

РОДИОН РАХИМОВ

ЧЕРТОПОЛОХ

РЕПОРТАЖ ИЗ ПОДНЕБЕСЬЯ

Родион Рахимов

**Чертополох. Репортаж
из поднебесья**

«Издательские решения»

Рахимов Р.

Чертополох. Репортаж из поднебесья / Р. Рахимов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852170-6

Самая правдивая книга, написанная журналистом с обострённым чувством справедливости, писателем-публицистом, познавшим жизнь не по учебникам, экологом, прошагавшим половину страны, общественным деятелем и членом Российского союза писателей, увлекательна и читается на одном дыхании. Его герои — простые люди и пытаются изменить мир к лучшему, многие узнают в них самих себя. Эта книга о добре и зле, любви и предательстве, войне и мире, о небесном и земном и о том, как мы докатились до жизни такой...

ISBN 978-5-44-852170-6

© Рахимов Р.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Рожденный в год Дракона	7
Соломенные волки	11
Букашка	18
Год Обезьяны	21
Первый километр	21
Второй километр	22
Третий километр	24
Двадцать четвёртый километр	25
Тридцать пятый километр	27
Шестьдесят шестой километр	30
Татышлинский рай	34
Отец	37
Бруски	40
Поход посреди войны	41
Мой дед – укротитель упырей	44
Осторожно, либералы!	46
Часть первая	46
Часть вторая	49
Часть третья	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Чертополох

Репортаж из поднебесья

Родион Рахимов

*Посвящается
моим родителям и всем жителям исчезнувшего
с географических карт
посёлка Кордон-Тибиль.*

*Особая благодарность принимавшим активное участие
в издании книги —*

*Шайхлисламову Вадиму,
Шакировой Луизе,
Сакадееву Виктору,
Тякиной Фирузе,
Солодовой Елене,
Николаю Филимоненко,
братьям Нигаматзяновым:
Томасу, Ренату, Рифату и
многим другим...*

*Книга издается ограниченным тиражом на деньги автора
и равнодушных читателей. В книгу заложена тема сохранения
МИРА и защита ПРИРОДЫ и должны ознакомиться как можно
больше людей, поэтому просьба, прочитал – передай другому.*

Приглашаем спонсоров.

© Родион Рахимов, 2018

ISBN 978-5-4485-2170-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

*«... Хочешь быть мастером, макай свое перо в правду.
Ничем другим больше не удивишь».*
Василий Шукшин

Публиковался в периодической печати как журналист и публицист. Был абсолютно безголосым, когда надо было подпеть всесильному гласу мира сего, и голосил, когда надо было сказать свое веское слово в пользу тех, кто не мог высказаться. Как прозаик печатался во многих центральных и региональных газетах, в журнале «НАША УЛИЦА» и альманахе «ПРОЗА».

Интересная штука жизнь. Крутишься, вертишься и делаешь как бы всё правильно. Но жизнь делает свои коррективы, и преподносит сюрпризы, от которых начинаешь не только думать, но еще и писать. И то, что получилось, перед Вами. Может быть, с наивной задачей не оставить Вас РАВНОДУШНЫМИ ко всему окружающему, ибо рано или поздно оно коснется каждого из нас. В природе все взаимосвязано. Взмах крыльев бабочки может вызвать ураган. Слеза голодного ребенка, упавшего на землю, может вызвать наводнение. Крик отчаяния обездоленных войной людей может вызвать землетрясение и тайфуны. Давайте не дразнить гусей!

Что касается меня, я всегда был в оппозиции ко всему плохому с верой в торжество справедливости.

С уважением, Родион РАХИМОВ, журналист, писатель-публицист, эколог, общественный деятель, член РОССИЙСКОГО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ.

Рожденный в год Дракона Интервью

«Общительный и внимательный, всегда окружен друзьями и почитателями его деловых качеств и организаторских способностей. Любит разговоры по душам и веселье, легкие компании. Умный, эрудированный, с врожденными задатками лидера, он все делает не спеша, основательно и добротню», – так характеризует восточный гороскоп человека, рожденного в год Дракона.

Именно таким представляет через призму своего творчества наш земляк, член Российского союза писателей Родион РАХИМОВ. Так ли это в самом деле?

– Родион Галинурович, когда и где Вы родились?

– Я родился в год Дракона под созвездием Близнецов, в поселке Кордон-Тибиль. В семье потомственного плотника Галинура Рахимовича Рахимова 1901 года рождения, уроженца деревни Ванш-Алпаутово ныне Бураевского района, сына Рахима и внука Шарипа, Босоное детство прошло среди леса, подступающего к поселку и живописного пруда с мельницей. Среди топота копыт сотни лошадей, бегущих на ночной выпас, подгоняемых моим отцом через плотину. Рева тракторов, трелюющих тяжёлые бревна к лесосплаву. И звенящей тишины по воскресным вечерам, нарушаемой лишь трелью соловьев, кваканьем лягушек, всплеском воды на пруду. А иногда захватывающей душу песней лесорубов за рекой Тибилькой.

Поселок в те времена гремел на всю округу. Имел свою школу семилетку. Клуб, где показывали фильмы в два сеанса и спектакли заезжих и уфимских артистов. Также магазин, гаражи с автомобильным и тракторным парками, столовой, общежитием для лесорубов, пекарней, где пекли изумительный по вкусу хлеб, водяную мельницу, столярные мастерские, конный двор с «тяжеловозами» и свою электростанцию с «лампочкой Ильича». Правда, до тех пор, пока была работа. Спилили лес – не стало и работы. И разъехались люди кто куда в поисках работы и хлеба насущного. Чтобы потом временами возвращаться и сидя на берегу обмелевшей речки Тибильки, со слезами на глазах, вспоминать о днях не легкой, но счастливой жизни.

– Вы помните своих родителей?

– Да, конечно. Мой отец Галинур Рахимович, целыми днями пропадал на конном дворе, среди своих лошадей, ухаживая за ними, ремонтируя упряжку и инвентарь. Иногда катал меня верхом на лошадях, и даже на тяжеловозах, на их огромных, как у слона, спинах, где умещалась целая ватага ребят. Отец был веселым и общительным, по-доброму подшучивал не только над своими товарищами, но и над самим собой. Доставалось и начальству, если что не так. «Да как его не полюбишь», – говорила мама, – веселый был, подвижный. А плясал под гармошку – земли не чуял. Да еще как присвистнет, все девочки бегали за ним. А выбрал он меня». А что касается мамы Хуснабзы Мухаматвалиевны, не было и дня, чтобы мы с братом Кавием не просыпались ночью от крика посетителей из-за вставляемой мамой на место вывихнутой чьей-то руки или ноги. Мама лечила настоями из трав, заговорами и даже принимала роды. А как же иначе, до районной больницы двадцать с лишним верст. И малыши не ждали, пока высохнут дороги после дождя, а зимой прекратятся метели. У них было своё расписание и, как всегда, неожиданное. И маме приходилось в любую погоду бежать к роженицам. Мама также по народным приметам умела определять погоду и разгадывала сны. Уважительно обращаясь к старшим и младшим, завоевала к себе бескорыстную любовь. Мама знала много разных песен и былин, веселых и поучительных рассказов, наизусть читала молитвы и суры из Корана, соблюдала посты. И поэтому Хусна-апа, так называли мою маму, была нарасхват в месяц Рамадан и Курбан-байрам и приносила оттуда нам с братом гостинцы в виде разных

вкусуностей. В доме всегда было полно народу. Одни уходили, другие приходили. И поэтому самовар, раздувание которого входило в мою обязанность, когда я был дома, никогда не остывал.

По причине своей неусидчивости в точных науках я в школе особых успехов не имел. Но вот естествознание был мой конек.

Наперегонки с одноклассником Рашидом Кашаповым перечитали всю школьную библиотеку. Особенно отдел фантастики и путешествий.

Жили не зажиточно, но дружно. И спасибо родному брату Кавию, у меня никогда не было проблем с одеждой и обувью, я всегда донашивал за ним. Каждый день три километра туда и обратно с пятого по восьмой класс в Ялгызнаратовской школе научили меня к экономии и бережливости во всем. А потом два года почти еженедельно топтал дорогу между Татышлами и Ялгызнаратом.

– *Чем Вы занимались после окончания средней школы?».*

– После школы два года «косил» от института в армии в Ракетных войсках стратегического назначения, наводчик-измеритель. Три учебных пуска. Один с Байконура – был награжден десятидневным отпуском на родину за попадание ракеты точно в цель. После увольнения из армии в геологоразведке бурил землю в поисках газа и нефти. Быстро осознав, что это не моё, не стал отказываться от предложения перехода на культурно-просветительское поприще, стал директором Дома культуры. Работать по специальности приходилось мало, а больше по указанию сельсовета, платившего зарплату, приходилось собирать сведения о надоях молока и количестве несушек у местного населения, заготавливать дрова и грузить на станции уголь для котельной. Но все же успевали ставить спектакли и выступали с концертами.

– *Когда Вы серьезно начали заниматься творческой деятельностью? Помогает ли Вам Ваша прямолинейность и критичность?*

– Потом уже в Уфимском моторостроительном заводе, работая литейщиком, стал задумываться о смыслах бытия, а правильно ли мы живем? Освободив Европу от фашизма и первыми отправив человека в космос, имея такую огромную территорию, богатую природными ископаемыми, живем так бедно. Первый фельетон «**Инорсовский меридиан**» вышел в заводской многотиражке и я две недели имел успех среди заводчан и жителей микрорайона. Потом пришлось писать дальше. И не заметил, как втянулся в это дело. Уже в Москве, заметив очевидную разницу уровня жизни столицы и периферии, вступив в ряды Коммунистической партии, понял причину – рыба гниет с головы. С партией, ведущей к светлому будущему, было все нормально, устав, демократический централизм и всякое такое, но все почему-то зависело от одного человека, Генерального секретаря компартии, от его воли – что он скажет. И никто уже ниже по лесенке ничего не делал, зная, что инициатива наказуема. А «генсеки» по причине своей недалёковидности, а иногда и испорченности, довели страну до окончательного развала в угоду тем, кто уже столетиями добивался этого. В один день не стало такой огромной страны. Трое подвыпивших деятелей после баньки в Беловежской пуще решили судьбу страны.

Все это можно было и не допустить, сохранить страну и партию, если прислушаться к народу, который уже последний хрен без соли доедал. Я тоже пытался достучаться до верхов.

Окончив Факультет печати Вечернего Университета рабочих корреспондентов при Московской организации СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР, (кстати, занятия проходили в старом здании МГУ с лучшими преподавателями университета), уже как журналист с красной «корочкой» рабкора, писал во все инстанции. Статья в газете «Советская Россия» «**Не могу быть равнодушным**» стал триумфом того времени. Все удивлялись, как я дошел до такой жизни, что написал в то время, когда все молчали. Когда было всеобщее одобрение политики партии. Все было хорошо при пустых прилавках магазинов. Получая выговора по партийной линии за слишком бурную деятельность, обивал пороги райкомов, горкомов и ЦК, но тщетно. Что

интересно, все соглашались, но никто ничего не делал, все ждали, пока «Он» скажет. Если что и проверялось, то теми же людьми, кто недоглядел. А рубить сук, на котором сидишь – дураков нет. И вопиющий глас народа не доходил до «Них». А «Им» было некогда, они разрушали Берлинские стены, и выводили войска из Германии, и распиливали стратегические ракеты, и потом за это получали Нобелевские премии. Потом воевали в Афганистане, в Чечне и «руководили» оркестрами.

Но Ельцину, памятник которого теперь охраняет полиция в Екатеринбурге от народного гнева, не допуская ежедневного обливания краской, надо отдать должное, что он прислушался к голосу разума и, перетасовав большое количество претендентов, оставил после себя более-менее адекватного президента Владимира Путина. Но Путину сегодня трудно. Бросив вызов всему воинствующему Западу ему еще приходится держать оборону от своих псевдо-либералов и казнокрадов. Искать поддержку у своего народа, ещё не до конца осознавшего, что цивилизованный мир стоит на краю пропасти.

Кстати, о казнокрадах: я вспоминаю высказывание моего друга, поэта и писателя Сергея Каратова: «Я боюсь найти кошелек, – говорил он, – вдруг я поддамся соблазну и не верну его хозяину. А потом буду казнить себя – три раза расстреляю и восемь раз повешу. За добро, нажитое не честным путем, надо расплачиваться намного дороже приобретенного». Но таких людей осталось мало. И что интересно, почти все, дорвавшись до власти и став начальниками, резко отделяются от народа, повышая только свое благосостояние, путая народное добро со своим. Такое обычно бывает в детстве, когда еще не осознаешь, пока не удостоишься наказания, отцовского ремня за соседские яблоки. Видимо, они заигрались или заблудились в детстве. Или ремня им не хватает?

– *Вы пишете о защите природы. Что по Вашему надо сделать, чтобы защитить планету от человеческой деятельности? Пожары, наводнения, землетрясения и тайфуны, не являются ли ответом планеты на нашу бурную деятельность?».*

– Все, что я написал до этого, и Бог даст, буду писать дальше, это о защите планеты как **живого организма**. Мне кажется, что мы слышим друг друга. Что интересно, мне все еще снятся сны, за день или за несколько часов до того, как все произойдет, о войнах, о терактах и природных катаклизмах. Но только потом я осознаю, что не предупредил других или не смог предупредить в силу обстоятельств.

Понимаю, что надо жить по совести и справедливости во всем и делиться с ближним куском хлеба и глотком воды. Жить по заповедям Всевышнего. Но как это сделать, когда кругом сплошная несправедливость и соблазны?

Вспоминаю строки из своего романа «Чертополох»: «Когда отчаявшись от несправедливости в жизни и, не видя никакого просвета, я усомнился в существовании Всевышнего: „Так, где же он, если не видит, что творится на земле“? И тут же приснился сон. Как будто мы в детстве играли в прятки в тальнике у реки. Заигрались и не заметили, как наступил вечер. Где-то пели соловьи и квакали лягушки в пруду. Было уже темно, но вдруг появились светлячки и закружились над нами. Один из них, самый яркий, сел на красивый цветок и преобразился в каплю янтарной росы. Я, припав на колени, как жаждущий путник начал пить росу из цветка, вдруг превратившегося в прохладную струю родника. Я пил и пил живительную влагу, ощущая, как вливается в меня что-то приятное и благодатное, вселенское сознание, ощущение принадлежности к чему-то великому, Божественному. Теперь я понял, что частичка Бога была во мне. Бог должен быть в каждом из нас, созданных по его образу и подобию».

– *Где Вы еще работали?*

– Работая на строительстве олимпийских и других объектах столицы, еще с 1977года я понял, что не ошибся с выбранной профессией строителя. Начиная геодезистом, освоил почти все строительные специальности. Которые потом пригодились после развала страны. Теперь, проезжая по Москве, вижу и радуюсь плодам своего труда: Олимпийский стадион, Дом прави-

тельства на Красной Пресне, Центр международной торговли, Выставочный комплекс, новое здание телевидения ОТРК, Дворец культуры «Меридиан» на Калужской, плодоовощные базы на Хорошовке и Таганке. И уйма отремонтированных домов, квартир и дач по Москве и области.

– **Как Вы отдыхаете?**

– Теперь на заслуженном отдыхе. В свободное от письменного стола время люблю отдыхать на природе. Проехав на велосипеде, посидеть у речки с удочкой. Зимой лыжи. Почти пешком с рюкзаком за спиной каждый год, летом выбирая маршруты, как свободный художник, прошел по берегу Черного моря от Нового Афона до Севастополя. Но продуваемый всеми ветрами Коктебель, где когда-то жил и творил поэт и художник Максимилиан Волошин, стал моим любимым пристанищем. Живя в палатке на берегу и общаясь с простым на первый взгляд «народом», черпаю материал для будущих рассказов и статей. Провожу творческие встречи в прибрежных санаториях и клубах, обкатывая свои материалы на благодарных зрителях. Люблю ходить по музеям и выставкам. Или просто бродить по городу, разглядывая старинные дворцы и постройки.

– **Как стать писателем?**

– Это часто задаваемый вопрос моими читателями на творческих встречах. Прежде, чем стать писателем, надо придумать и написать хотя бы рассказ. Раз пятнадцать переписать. Потом отдать, кому-нибудь отредактировать. Потом править после его правки и дать отлежаться неделю и снова отредактировать. Дальше напечатать в какой-нибудь газетке. Дописать после публикации. И только потом можно отложить в папку, где возможно наберется штук сто-двести таких же рассказов, обняв которую будешь обивать пороги издательств, если найдешь уйму денег на публикацию этой книги. Такую работу может выдержать не каждый, только влюбленный в свое дело и если есть, что сказать. Писать, когда уже не можешь не писать. Когда просыпаешься ночью от зуда в руках и садишься за письменный стол. И только тогда, может быть, тебя назовут писателем, и, может быть, поставят памятник. А потом будут плевать в тебя завистники, и сносить твои памятники. И такое бывает! Если готов пройти все это, можешь стать писателем. Или не стать.

– **Ваши любимые писатели?**

– Люблю всех, но особо можно выделить это: Артур Конан Дойль, Джек Лондон, Эрнест Хемингуэй, Джером К. Джером, Владимир Гиляровский, Виль Липатов, Валентин Распутин, Василий Шукшин.

– **Что означает Ваше имя – Рахимов Родион Галинурович?**

– Если верить интернету и Википедии, то получается: Добрый Солнечный Луч, сын Великого Луча.

– **Одним словом – луч света в темном царстве!?**

– Хотелось бы! Но сколько нужно для этого работать?!

– **У Вас есть мечта?**

– Увидеть Мир без войн. И, наконец, издать свою книгу.

– **О чем будет книга?**

– О нас с вами: о добре и зле, о любви и предательстве, о небесном и земном, о войне и мире, и о том, как мы докатились до жизни такой...

– **Вы живете в Москве? Как семья?**

– Живу в Москве. Есть дочь и сын. Три внука и лапочка внучка. Слава Богу, все живы и здоровы. Чего и вам желаю!

*Интервью по скайпу корреспондента газеты «Татышлинский вестник»
Альвиры Шариповой*

Соломенные волки

Это был проклятый всеми богами год. Если синоптики обещали местами осадки, то центром всех небесных пакостей был наш район.

– Да – а, постарел наш главный «синоптик» – шутили механизаторы, прикуривая от углей зерносушилки, и поглядывая без единого просвета небо. – Пора бы его на пенсию! Да не кем заменить!?

– А вот, Репья. Он еще может! Ой, как может! – прыснул молодой тракторист, в промасленной и промокшей телогрейке.

– Брось зубоскалить. Щенок! Это ты виноват! Согрешил, небось? – под общий хохот отвечал он. – Говорят, все лето трактор в летний лагерь к дояркам гонял. К Марине, наверное? – И довольный своей шуткой он еще долго смеялся, вместе со всеми, прокуренным и протуженным голосом, словно стартер председательского газика.

Дед Мурзин, или Репей, как его еще называли односельчане, за его вездесущность и прилипчивость, давно уже был на пенсии, но с малых лет привыкший работать, бездельничать не мог. И сколько хватало сил, помогал родному колхозу, в котором проработал почти всю свою жизнь, минус пять лет войны и девять лет детства. За отсутствием здоровья и особой прыти, он был вторым пожарным и присматривал за лошадьми. Их там было четверо: одна пожарная, две другие сельсоветская и зоотехника, и четвертый – предовский – председателя колхоза «Светлый путь», поджарый жеребец по кличке Малыш. Пожарка и Ток были рядом. И Мурзину, как бы по – совместительству, просили присматривать за амбарами. Народ-то еще «ой – ёй», всякое может случиться.

Невыносимо трудно быть директором, когда тебе всего лишь двадцать три года. Особенно директором Сельского дома культуры с протекающей крышей. Без угля и дров с вечно пьяным кочегаром. Когда сидишь на дебете и кредите Сельсовета. Который как – бы, между прочим, заставляет: собирать сведения о численности скота и птиц у населения, ежемесячно ездить в районный банк за зарплатой для сельской интеллигенции, заготавливать дрова и грузить на станции уголь. И даже распрягать Сельсоветскую лошадь, после прогулки председателя Вафина, (с семиклассным образованием, против твоего незаконченного высшего!), по деревням. И попробуй, откажись. В конце месяца обязательно недосчитаешься нескольких рублей с зарплаты. Бухгалтер сельсовета Тамара, женщина, рано овдовевшая и поэтому очень злая, с молчаливого согласия Вафина, обязательно срежет, как не вышедшему на работу. Им глубоко наплевать на твою культпросветработу. Лишь бы по-ихнему было. Как же, они Власть! Им также трижды наплевать, что люди шарахаются от клуба. Да и небезопасно, может во время демонстрации фильма обвалиться потолок. Гостям радуются дважды: после приезда и после отъезда! Мы же лишены обеих радостей ввиду отсутствия дорог, как летом, так и зимой. Особенно трудно приходилось молодым учителям, проходившим обязательную практику в средней школе. Уже вкушившие сладость городской жизни. В школе зафиксирован единственный случай отработки молодым специалистом более трех лет. И только потому, что жалко стало учительнице русского языка и литературы, и классному руководителю выпускного класса, бросать на произвол судьбы десятый класс, который души в ней не чаял. И она решила остаться еще на год. О духовной пище говорить не будем. В рационе только кино, если привезут, и местная «самодеятельность». И поэтому сельская молодежь, унюхав беззаботность городской жизни, не желает возвращаться. Я же вернулся из завода, пожертвовав всем, хорошей работой, друзьями и, наконец, зарплатой. И только ради того, чтобы хоть что-нибудь изменить в этой деревне, где прошла все мое детство. У нас на заводе частенько наблюдалось такое явление. Если задерживали зарплату или обмен спецодежды, некоторые рабочие проявляли молчаливое недовольство администрацией цеха, путем переворачивания Урн с мусором и битьем лампо-

чек в душевой. Тоже самое, я наблюдал и здесь в клубе, каждый день, вворачивая лампочки над входом. Но сделать ничего не мог. Да собственно уже и не хотел.

И поэтому вечерами частенько подумывал об упаковке чемоданов. Но утром опять откладывал, надеясь на изменения и не только в погоде. И все начиналось сначала. С утра, разговор на высоких тонах с Вафином, по поводу ремонта и выделения средств, целый день и весь следующий день в райцентре в поисках кровельного железа. Потом возвращение домой ежеминутным толканием грузовика и подкладыванием хвороста по буксующие колеса по пояс в грязи. А вечером репетиция драмкружка. И так каждый день. Единственным утешением в моей жизни были книги: «Труд, – писал Маркс, – единственная необходимость каждого человека, а ненавистным он становится в условиях жестокой эксплуатации». Меня ни кто не эксплуатировал, но для меня не только труд, но жизнь здесь осточертела, да так, что не находил себе места. Как известно на голом энтузиазме ничего не построишь? Поэтому все замыкалось на средства, фигурирующие в течений года в сметах бухгалтерии сельсовета, и в конце списываемые как нереализованные. А деньги не малые, между прочем, выделенные из бюджета колхоза, и утвержденные уважаемой комиссией – хватило бы и на ремонт и на приобретение музыкальных инструментов – воплощение мечты методиста Ульфата Шангараева, который, спал и во сне видел себя солистом и руководителем первого колхозного «ВИА».

По календарю наступила осень. Дождь лил не переставая. В поле низко кланялись к земле несжатые колосья пшеницы, а в валках прорастала рожь. Всякие попытки механизаторов выехать в поле завершались неудачами. Из-за отсутствия дорог в самой деревне комбайны садились на пузо и их разрывали тракторами на запчасти. Клуб как мог, помогал колхозу. В перерывах между разрядами дождя выезжали агитбригадами на поля и элеваторы.

Вскоре пошел снег. И все вокруг покрыло белым покрывалом. И лишь несжатые колосья пшеницы, словно капризные дети перед сном, то и дело высовывали свои рыжие головки из под белого одеяла. Напоминая о себе отцам хлеборобам, об их беспомощности перед силами природы и собственной неорганизованностью. Смакуя, не спеша падали снежинки как бы наслаждаясь этим, не торопясь захоронить под собой плоды крестьянского труда. Зрелище было не из приятных. При виде всего этого на глаза наворачивались слезы. По инициативе комсомольцев решили сделать субботник. И почти всем колхозом, по снегу, скосили и сложили колосья пшеницы в небольшие копна, чтобы потом вывезти и хотя бы скоту скормить. Но вывезли только половину, а другую замело снегом. Издали поле было похоже на колонию мышиных нор. Которые тоже развелись тысячами на дармовом зерне. Червь тоски, забравшись в мой организм, подтачивал его изнутри. Надо было что-то делать. Как-то изменить эту опостылую жизнь. Уехать – значит сдать. Признаться в собственном бессилии я не мог. И я ждал чего-то сверхъестественного, которое неминуемо должно было произойти. Людям свойственно в минуты душевного расстройства отвлекаться воспоминаниями, о чем ни будь приятном. Я всегда удивлялся и завидовал выдержке и умению моего методиста Ульфата, отвлекаться и перенастраиваться на приятную волну. Иной раз, когда надо было почистить под домашней скотиной, а это занятие не из очень приятных, особенно весной, когда все тает и жутко воняет! И вот в паузах между рейсами санок туда и обратно. Он среди разворошенного навоза и смрада, обалдело, закрыв глаза и широко расставив ноги на импровизированной сцене, выщипывал невидимые струны, превращая, заляпанную навозом вилы, в электрогитару. Подпевал про себя знакомые мелодии. И снова брался за работу и с таким задором и энергией, как будто и не было тех полдня махания вилами и целой горы уже вывезенного за огород навоза. Когда первыми заморозками Ульфата проводили в армию, мне стало совсем скучно. Кстати, говорят, он в последний вечер крушил клубный забор! Зачем спрашивается? Потом в письме, конечно же, признался: «Проявил недовольство местной властью». Тоже мне Степан Разин. Из-за него, бунтаря, мне самому пришлось прибивать эти проклятые доски обратно. Оставшись один, я был похож на парусник, попавший в зону безверия. Не знал, что делать и чем заняться. Пробовал считать

капли монотонно падающие с потолка директорского кабинета, в подставленную уборщицей посуду – надоело на четыреста восемьдесят четвертой капле. И поэтому я уходил в мир фантастики, которую знал и любил с детства. В то памятное утро, сделавшее коренной переворот моей жизни, я, в пустом кабинете отодвинув раз в месяц звонивший телефон, и раскачиваясь на стуле, я, блаженно закрыв глаза, мечтал об использовании удивительных свойств Черной дыры, притягивать к себе и выбрасывать в пространство планеты и даже целые звездные системы. Мечтал выбросить этот богом проклятый район вместе с Вафином и его бухгалтерией в одну из планет Альфа Кита. А альфакитянцы, пожалуй, и не удивились бы таким превосходным соседством, если бы они обитали на уровне чуть выше пещерного. Или отправить все руководство колхоза, на какой-нибудь необитаемый остров. Было бы и им хорошо и нам по легче. Авось райком пришлет руководителей по умнее. Вот было бы смеху! Привыкшие на всех кричать, тем самым, скрывая неумение работать с людьми, вдруг оказались бы одни. С ума бы сошли, пожалуй! Когда я открыл глаза, в дверном проеме, в снопе света падающего из фойе, стояла Она!

– Здравствуйте! Вы будете директор? – спросила она голосом диктора республиканского телевидения. Почему-то я подумал, что она оттуда – сестрица братьев по разуму. Во мне проснулась душа первооткрывателя.

– Угу, – выдавил я, пытаясь скрыть удивление.

– Тогда принимайте на работу. Я методист вместо Ульфата Шангараева. Вот направление районного отдела культуры и диплом, если нужно. Только я думаю, ни к чему, – сказала она, включив свет и приближаясь к столу, за которым сидел я.

Она была красива как космическая ракета на стартовом столе. В ней таилось огромной силы энергия, готовая вот-вот вырваться наружу. И я механический отсчитывал последние секунды: «три, два, один, ноль». И даже прикрыл глаза тыльной стороной ладони, как это делают сталевары перед выпуском металла из печи, опасаясь вспышки. Но она не вспыхнула и не улетела. А затаила энергию в себе, чтобы отдавать ее частями. И она не скупилась. С приходом Айсылу все изменилось. Клуб зажил новой жизнью. Меня словно подменили. Ни свет, ни заря, я мчался в клуб и каждый день в свежей рубашке и галстук. Не прошло и двух недель, как Айсылу стала предметом разговора всей деревни. О красоте ее, коварстве и хитрости, говорили везде, начиная фермой и кончая фельдшерским пунктом. Где старые бабки в ожидании очереди на укол, массируя, друг дружке старые грешные бока Змеиным ядом, перемалывали косточки всем, уделяя Айсылу особое место.

И так, пожилые женщины осуждали, а молодые завидовали ей. И было чему. Вся мужская половина деревни не сводила с нее глаз, полные тайных желаний. Вскоре заняв призовое место на районном смотре коллективов художественной самодеятельности, мы уже готовились к республиканским. После репетиции опять Айсылу провожал Марат, еще не женатый сорокалетний шофер председательского газика, на правах подвезшего ее из района. Мне же оставалось, после всех запирает клуб на замок и, раздвигая темноту одиноким лучом карманного фонарика топтать по направлению к дому, насвистывая грустную мелодию.

«Так можно и Айсылу просвистеть, – думал я. – Ведь она, девушка, что надо! Пора бы уже и о своей семье подумать. А то мать уже замучилась стирать мои рубашки:

– Когда же, сынок, избавишь меня от стирки? Пора, уже какой –нибудь «платок» в дом привести. Какой-нибудь я не хотел. Я мечтал о голубой беретке Айсылу. Шли дни. Она упорно не замечала моих взглядов и вздохов. И по прежнему называла меня только по имени и отчеству. Как у всех в деревне у меня, кроме собственного имени, было наследственное прозвище – Медведь, с применением всех синонимов. Хотя это было не очень приятно, но я искренне желал, чтобы она тоже называла меня так. Я знал, что таким девушкам как она так просто не подойдешь. Для покорения их сердец нужен героический поступок.

– Эльгизар Романович, – сказала она как-то вечером после репетиции. – Завтра день рождение моей мамы. Могу ли я отлучиться денька на два? – При этом задумалась, и виновато добавила. – И нужен какой-нибудь транспорт, чтобы привезти кое-какие вещи.

От колхоза «Светлый путь» до колхоза «К коммунизму» рукой подать. Но зимой эти семнадцать километров, утраиваются. И единственный транспорт – гужевой. Но где его взять в такое гостевое время? Обойдя всю деревню в поисках гужевого транспорта, я заглянул и в Пожарку.

– Куда там, – жаловался дед Репей, выводя вдруг захромавшую пожарную лошадь к колодцу, – случись, где пожар, тьфу – тьфу, не на чем мотопомпу вывезти! А на Малыше завтра сам «Пред» с женой едет в гости к сыну, который женился и остался в городе. Башковитый, видать, парень, если окопался в городе?

– Да, уж, – возражал я.

– Во всяком случае, умнее тебя. Чего ты опять вернулся? В городе – то лошадей не надо. Заплатил пять копеек и катайся хоть целый день, пока не надоест. А надоест, можно в театр сходить. В ресторан, если деньги есть. Или я не прав? То-то же! Чего тут молодым – то делать? Ни работы, ни веселья, Только теперь и расшевелились, когда эта Айсылу приехала, это нам старикам деваться некуда, кроме как под сосновую гору?! – смеялся он. За спиной долго еще был слышен его скрипучий смех. Но я уже шагал к Дому культуры, обдумывая детали созревшего плана. Я должен был блеснуть перед Айсылу. И блеснул. Увел Малыша из-под самого носа Репья, конечно же, не без помощи Айсылу. Да еще как! Что лопнул бы от зависти самый ярый конокрад. Потом Репей каждый раз, увидев срезанную супонь – ремень, стягивающий хомут снизу, будет удивленно качать головой:

– Не иначе, как дело рук самого нечистого! Утром, захожу значит в Пожарку, чтобы запрячь Малыша и пригнать к дому Преда, а Малыш весь в мыле стоит. Как будто на нем всю ночь воду возили. И сбруи нет. Пред сам прибежал. Я ему так мол, и так. А он, как хочешь, говорит, сбрую найди – не иголка?! Один раз в жизни, говорит, в гости собрался и то сорвалось. Все обыскали так и не нашли сбрую. А другие хомуты не подходят, у Малыша шея, что у лебедя. И главное, – ни каких следов! Нашли сбрую только через день на сеновале под сеном и супонь изрезана. А как она туда попала, один нечистый знает! Каждый, кто знал эту историю с хомутом, при удобном случае просили рассказать еще. Чтобы посмеяться лишний раз над незадачливым стариком. Просил потом и я. На моем вооружении было уже много раз испытанное средство, выкручиваться из любого создавшегося положения, с помощью виновного. Я думал так: «Нет транспорта потому, что нет хорошей дороги. А отсутствие дороги объяснялось тем, что председатель колхоза вместо того чтобы строить дорогу от своего колхоза к соседнему, отремонтировал участок районного шоссе, из личных соображений не желая портить отношения с районным начальством. Так что, зачем страдать невинной девушке из-за Преда? Пусть лучше он пострадает, и подумает на досуге о необходимости маршрутного автобуса. Который, кстати, в любое время года доходит до соседнего колхоза. Малыша я любил больше чем Преда, и поэтому ему тоже устроил небольшой «отпуск» спрятав сбрую на сеновале.

В девять часов вечера мы уже сидели за столом. Гостей было не много, в основном учителя, коллеги приемных родителей Айсылу. Как я потом узнал от матери Айсылу, учительницы русского языка средней школы. Уже не молодой женщины с красиво седеющими волосами и добродушным лицом. Родители любили Айсылу, но она не была избалована. Она была их гордостью и опорой на старость лет. Поэтому она и приехала, поближе к дому. И временно работала методистом в нашем ДК. До освобождения в районном Доме культуры, соответствующей по ее образованию, должности. Именины удались на славу: пили, ели и плясали так, что звенели окна. Я вышел проверить коня. Электрическую лампочку, одиноко освещавшую пустынную улицу, раскачивало ветром. Небо заволокло черными тучами, словно попоной. Ветер уси-

ливался. Из дома доносилась музыка и топот, плясали. Малыш, под навесом, укрытый попоной и тулупом, жевал сено. Увидев меня, он слабо заржал, как бы предупреждая меня о непогоде.

– Да Малыш, будет буря, – сказал я, потрепав его по теплой шее. – Потерпи уже скоро. И Малыш, как будто поняв меня, начал подгрести передними ногами снег и качать головой. Дом Фарукшиных был большой и теплый обшитый тесом и террасами под стеклом, с множеством комнат. Мне как дорогому гостю выделили отдельные апартаменты напротив комнаты Айсылу.

Хозяева, набежавшись за день, быстро уснули. При мерцающем свете электрической лампы, падающей с улицы, Айсылу переделалась в халатик. Я невольно подглядывал, зачарованный ее гибким телом, загорелыми под цвет сентябрьских листьев, стройными ногами, и длинными до бедер, черными распущенными волосами. Теперь она мало походила на предстартовую ракету. Вместе с остатками одежды она скидывала с себя дневную наэлектризованность, во власти которой я привык ее видеть. Передо мной стояла другая Айсылу, чуть грустная и уставшая. И вместе с тем, какая-то до невозможности домашняя, излучающая доброту и уют.

– Ну что, герой, устал? – спросила она, потрепав мою забалдевшую, скорей от счастья, чем от вина. Голову.

– Ну и волосы! Как проволока. Что такой же злой и упрямый, как и твои волосы?

– Я значительно добрее. А жесткость волос определяется твердостью характера и верностью собственной идее, – ляпнул я наобум, поймав ее теплую и мягкую руку. Она не сопротивлялась.

– И в чем же заключается твоя идея? – тихо смеялась она, присаживаясь на краешек моей кровати.

– В ОДР-е.

– Это как понимать? Беспробудный сон в постели?

– ОДР – расшифровывается так – Окружающим Дарить Радость.

– Ох, и дурной же ты, Косолапый! – и накрыла меня в поцелуе, копной волос, с ароматами знойного лета.

Я засыпал. За стеной выл ветер. Будильник оглушительно выбивал из крышки стола счастливые секунды. Последние мысли моего тающего сознания, были об Айсылу. Я был понастоящему счастлив. Как правило, сделав приятное другим, я находил в этом для себя удовлетворение, и наслаждался только мне понятным чувством радости.

Проснулся от требовательного звона будильника. Айсылу уже гремела посудой. Спать больше не хотелось. В голове стояла ясность и оправданность всех моих прошлых и будущих поступков. Теперь я никого не боялся.

Ветер, словно озверев, налетал на дом с трех сторон, пытаясь сдвинуть его с места и поднять в воздух. Но дом лишь отплевывался дымом. И ветер, как будто поняв бессмысленность своей затеи, грохнув от досады по крыше куском оторванного железа, и укутавшись в снежную пыль, мчался дальше в поисках чего попроще.

Фарукшин, свесив босые ноги с кровати, искал глазами во что обуться. И нечего, не найдя, окликнул дочь.

– Айсылу, доченька, моих валенок не видела?

– У меня. – А свои где?

– На печке. Пусть в тепле будут. Скоро ехать.

– Как ехать?

– Ну, папа, ты же понимаешь, что транспорт краденный. И пока не хватились надо поставить на место.

– Краденный? Что украли? Кто украл? Караул! – улыбаясь спросонья и ничего не понимая, заговорила хозяйка дома.

– Вставай старуха, они уезжают. Проспишь все на свете. Она, сладко потянувшись, Точно так же как и Айсылу почесала макушку и ловко накинула, белый в розовых цветочках, платок.

– А может, переждете, – сказала она, глядя на меня в упор. С таким видом как будто от моего решения зависело все. – Слышишь? Во дворе такое разыгралось, что добрый хозяин собаку из дома не выпустит. А вы все-таки люди

К половине пятого, наскоро позавтракав и уложив в сани ее нехитрый скарб, который состоял из мешков с картошкой и мукой, чемоданов, подушек, ватного стеганого одеяла и электрического самовара, тронулись в путь.

Было так темно, что дальше головы коня ничего не было видно.

Мальш, подгоняемый ветром, бежал рысью, то и дело, фыркая от снега, забивавшегося ему в ноздри. Ехали долго. Айсылу, укрывшись с головой, молчала. Молчал и я. Потому-что при таком вое ветра говорить было бесполезно. И я сев спиной к ветру вспоминал, как мы прошлым летом на районном сабантуе с Мальшом взяли первый приз по скачкам.

Долго тогда не соглашался Пред отпускать своего любимого коня в район. Но когда привезли кубок и цветной телевизор, расплылся в улыбке: «Ну, молодцы! Я не ожидал от вас таких подвигов!»

Вдруг Мальш встал. Я натянул вожжи. Конь, два раза сильно дернувшись, упрямо зафыркал. Я слез с саней и тут же провалился по пояс в рыхлый снег. Дороги не было.

– Что уже приехали? – обрадовалась Айсылу, вылезая из-под попоны.

– Кажется, застряли, – сказал я как можно веселее. Но весело не получилось. Тревога, охватившая меня, передалась и ей.

– Что? – не поняла она.

Мальш отчаянно работал передними ногами, но рыхлый, чуть ли не по круп снег, не выпускал его из своего плена.

«Надо распрягать» – подумал я, и, утрамбовав перед конем снег, дернул за супонь. Ремень не поддавался. Рванув изо всех сил, вспомнил слова отца, первый раз учившего мне как запрягать лошадь в упряжку: «Не забывай, супонь всегда затягивается в петлю, Дернул – и она развязалась. Это на всякий пожарный случай».

Случай был. Но не было той петли. Спички тут же задуло. Окоченевшие пальцы не слушались. Оставалось только перерезать. Но чем? Перочинного ножика в кармане не, оказалось, должно быть выронил у них в подвале, когда лазили за картошкой.

– А-а-а! – донеслось до меня отчаянный крик Айсылу. От которого у меня похолодело сердце. И я, забыв обо всем на свете, бросился к ней.

– Волки! Волки! – кричала она, размахивая самоваром и показывая свободной рукой куда-то в сторону. Меня охватил ужас. Через пелену бушующего снега я увидел скачущие тени и, почувствовал что такое страх. Страх не только за себя, но и за жизнь другого человека, которая теперь стала дороже своей. После минутного замешательства мысли заработали быстрее. И я вспомнил, что в блокноте лежит обломок скальпеля, которым когда-то точил карандаши. Сломав еще летом в попытке открыть захлопнувшуюся дверь кабинета, я положил его в блокнот в надежде наточить, тем более оставалось еще около миллиметра режущей части.

И вот сжимая в руке обломок, я щупал темноту глазами в поисках матерого зверя. За себя я не боялся – не скоро они меня слопают. Я боялся за Айсылу и коня.

Через секунду супонь, надрезанная обломком скальпеля, треснула, давая ход хомуту. Через другую секунду я уже держал в руках оглоблю, снятую с саней. И готов был защищаться, или достойно умереть. Айсылу, забравшись повыше на передок саней, озиралась по сторонам.

– И – и – эх! – вскрикнул я для храбрости и изо всех сил опустил оглоблю на ближайшую тень. Тени были кругом.

«Да тут их целая стая» – мелькнула в голове шальная мысль. И я, скинув тулуп, сыпал удары направо и налево. И до тех пор, пока не зарылся лицом в снег, споткнувшись обо что-то рыхлое.

«Ну, все, это конец, загрызут, – подумал я, пытаюсь встать, но сил уже не было. – Через толщу исторических лет на этом месте, археологи раскопают обглоданные кости чокнутого директора, который выехал в путь в такую дурацкую погоду. Тут же беленькие косточки Айсылу рядом с заржавевшим от времени самоваром, и когда-то умный череп, бедного Малыша».

Представив все это, я с ужасом открыл глаза.

Ветер стал утихать. Светало. Попона облаков опрокинулась на запад, обнажая холодную наготу вселенной.

Подняв обреченную на гибель голову, я разглядел перед собой кучку разворошенной соломы. Дальше еще и еще. Так похожие на те, что косили осенью по снегу и складывали в копна. Это было то самое поле. К приятному удивлению волки оказались соломой.

Смеялись долго со слезами на глазах, совершенно забыв о пронизывающем холоде и о том, что надо ехать.

Дорогу нашли быстро, она оказалась чуть правее.

Утренние звезды, высыпав на небо, тарасились на нас, как мы вдвоем с Айсылу, впрягшись в оглобли, и проваливаясь в снег, вытаскивали сани на твердое место.

После адской круговерти и хаоса, стояла такая невообразимая тишина, что, было, слышно лай собаки крики петухов соседних деревень. А непогода, отхлынув на запад черной тенью, бушевала там. Метеорологи объяснили бы это границей зон высокого и низкого давления.

Вскоре перевалили гору. Внизу просыпалась деревня, потягиваясь белыми столбами дыма, косо подпиравшими небо, возней проголодавшееся за ночь скотины, скрипом ворот и звоном ведер у колодцев.

Спокойно спал в своей коморке Репей, даже не подозревая о наших с Айсылу, приключениях. Вздернув алый занавесь зари, начинался новый день. Малыш, почуяв близость дома и запах конюшни, ускорил свой бег. Он даже и не мог подумать, Впрочем, как и я, что через месяц он проделает этот же путь, с этими же пассажирами, под веселый перезвон свадебных колокольчиков.

Уфа 1974 г.

Букашка

Открытие было неожиданным. И вместе с тем радостным для сорокашестилетнего водителя районной Санэпидемстанции, Присыпкина Федора Антиповича.

То утро, перевернувшая всю жизнь Присыпкина, ничего сверхъестественного не предвещало.

Оно было обыденно как тысячи других. Как всегда, во дворе мычала корова, чувствуя приближения стада. Как всегда. Жена его Клава, женщина злая и сухая. Очень похожая на селедку холодного копчения, гремела ведрами в сенях. Торопилась на работу. Но прежде надо было управиться с хозяйством, да двоих ребят в школу собрать.

Как всегда, после «вчерашнего» болела голова. Хотя он и пил часто и много, но, ни разу не опохмелялся и не садился, не побрившись за руль. И поэтому первое его желание – привести себя в порядок.

И так в осколке зеркала на бревенчатой стене, отражалось обросший рыжей щетиной, лицо. Большой, с горбинкой нос был изрядно поцарапан. Под глазом красовался синяк. На плите брякал крышкой вскипевший чайник.

Все было привычно и спокойно. И лишь тараканы, вечные и ненужные спутники человечества, встревоженные ярким светом и присутствием хозяина дома, разбежались по щелям.

Когда безопасная бритва перекочевала, с одной руки на другую и Присыпкин повернулся правым боком к осколку зеркала, то слегка потухший взор его, уперся в белого таракана, который отличался не только размерами, но и подвижностью.

Не успел Присыпкин и глазом моргнуть, как этот Альбинос догнал своего рыжего собрата и, прикусив заживок, заработал челюстями. От удивления у него глаза расширились, а хмель мгновенно прошел.

Вот тут его и осенило. Это было открытие.

– Вот это да-а, – проговорил он, застыв с бритвой в руках. – Человечество веками травит тараканов и не может избавиться от них! А тут один таракан за неделю может слопать все тараканье племя. А что если?

И он задумался. Представив свою избу огромной лабораторией по разведению белых тараканов. Откуда-то сверху лилась тихая музыка. Он в белом халате прохаживался по своему заведению. Возле стеклянных шаров, внутри которых копошились белые тараканы, стояли его молоденькие сотрудницы и улыбались ему самыми обаятельными улыбками. Телеграфным текстом отстукивал чайник: «Мистер Присыпкин. Ради бога, пришлите десяток Альбиносов. Ливерпуль. Томсон и Компания». Или «Господин Присыпкин спасите от нечисти. Пришлите несколько насекомых. Бразилия. Фирма Смог».

– Зараза, уснул что-ли? – уже который раз окликала его жена, – гремя ведрами в сенях. – Разбуди, говорю, ребят-то. В школу опоздают.

– А, сейчас, – говорил Присыпкин, не отводя взгляда от этого чуда природы, уже терзающего за холку второго соплеменника. Он представлял, как во все концы света разлетаются его тараканы для спасения человечества от паразитов. С загадочными буквами на каждой коробке «ВОББП» (Всемирное Общество по Борьбе с Бытовыми Паразитами).

– Проснись. Сволочь! – грозный окрик жены, вернул его к действительности. И он зубной щеткой сгрел Альбиноса в пустую банку, и туго затянул полиэтиленовой пленкой. Но, немного подумав, проткнул вилкой отверстия, чтобы тот не задохнулся до вечера. Не забыл бросить несколько тараканов и крошки белого хлеба. И запрятал свое сокровище подальше под печь.

И только хотел встать, как получил сильный удар чем-то твердым и угловатым, по спине. Он даже вздрогнул от неожиданности, но значения этому не придал. Слишком уж он был далек от обыденной жизни.

Клава, так и стояла с поленом в руке, грозно поднятым для следующего удара. Ее крайне удивило поведение мужа. В другой раз он мог как-то среагировать на это, завывать от боли или убежать чтобы не получить еще. Нет же. Он спокойно выпрямился и, улыбаясь чем-то своему, даже не позавтракав, пошел к своей машине, которая ночевала у его дома уже десять с лишним лет, оборудованная для уничтожения всякого рода бытовых паразитов. Грызунов и бактерии.

Меньшой сын, проснувшись, и по привычке по малой нужде забежав за печь, увидев мать с поленом в руке, пулей вылетел из дома. Никогда не думал Присыпкин, что букашка в пол – литровой банке перевернет ему жизнь.

Весь день он просидел за рулем сам не свой. И даже поймал себя на том, что не остановился после работы у пивной, пропустить традиционные две кружки пива, и что-нибудь, покрепче. Вечером, когда он трезвыми глазами посмотрел на жену, понял, что не сможет жить с ней под одной крышей. А спать в одной постели тем паче. И поэтому, выудив из-под печки свое сокровище, ушел ночевать в баню.

На следующий день он в районной библиотеке набрал книг про разных насекомых и ушел в науку с головой. И чего только он не прочитал в тех книгах и журналах!!!

Но когда прочел, что маленькие муравьи – термиты едят даже железо, он крайне удивился. Там было написано «едят все кроме железа», но слово «кроме» было кем-то запачкана. И он понял это как «даже». И он представил свою машину, облепленную со всех сторон насекомыми и поедаемую ими. Автомобиль таял в его воображении как сахар, брошенный в чай. И только колеса, облепленные грязью, обгоняя друг друга, катились к реке и падали в воду.

В то время, когда Присыпкин листал в бане журналы. Жена его не находила себе места. Все валилось из рук. Годами привыкшая, поносить мужа ей было не кого ругать. Попробовала срывать злость на детей, на скотину и на соседей. Но это было не то. Она не находила в этом успокоения. И поэтому она стала похожа, на натянутую чьей-то злой рукой струну инструмента, постоянно дребезжащей на фальшивой ноте.

Во дворе уже гуляла рыжая осень, когда из яйца Альбиноса вылупились двадцать шесть маленьких Альбинят. Присыпкин радовался так, как не радовался даже рождению своих собственных детей. Это была радость первооткрывателя.

Но делиться радостью было не с кем. Да и рановато. Он опасался перенаселения планеты белыми тараканами. В том, что белые тараканы сменят рыжих, было мало проку. И он ждал разрешения этого вопроса.

Наступил день, когда Клава уже не могла сдерживать гнев внутри себя и решила действовать. Вооружившись топором, она высадила двери бани со стороны петель, потому – что замок был приделан на совесть. Вместо грязи и пустых бутылок, которые она ожидала увидеть, в предбаннике царила стерильная чистота.

«Не иначе, как другую нашел», – мелькнула в ее голове шальная мысль.

Везде стояли банки накрытые белыми повязками. Микроскопы и книги. Она приподняла край повязки корыта, стоявшего на столе, и увидела белых тараканов. Она от удивления опустилась на кровать. И долго сидела без всякого движения. Но когда хотела встать, то почувствовала, что с ней что-то случилось. Внутри что-то сломалось или наоборот склеилось. Она почувствовала, что гнев ее тает, а душа начинает отогреваться. Ей стало хорошо. Она сидела, долго боясь пошевелиться и спугнуть это блаженное чувство.

К приходу хозяина баня была уже натоплена. На низеньком крылечке, рядом со связками книг сидела его жена.

– А-а Феденька, пришел?! – ласково проговорила она, еще издали, заметив мужа. – Дети уже помылись. А я тебя жду.

Присыпкин опешил от таких слов. Они уже лет пять не мылись вместе: «Что бы это могло быть?» – подумал он, преступая порог предбанника, и тут же заорал:

– Где тараканы, дура? Клава остолбенела от неожиданности. И тоже хотела закричать, но у нее не получилось. И она ласково проговорила, потупив взор:

– Какие тараканы? Те, что в корыте? Так я их горячей водой смыла. Они же дохлые были.

– Как дохлые? Дура! – спросил он. Хотел ударить, но, увидев, как она, сжалась в испуге, передумал. И еще раз, сплюнув через зубы, пошел проверять банки.

Тараканы лежали на дне банок, без всякого движения. Его сердце сжалось от обиды: «Сколько труда и все насмарку». Он огляделся. И тут он увидел его в щелочке за веником. Совсем маленького, беленького и дорогого для него. От сердца отлегло. Стало легче дышать.

«Хоть один да остался» – подумал он. – А почему скопытились другие? Может от присутствия моей жены?»

Он понял, что было именно так. Это было еще одно открытие Федора Присыпкина!

– Значит так, – рассуждал он. – Рыжих тараканов уничтожают белые. А белых, – он сопоставил изменившееся поведение жены с мертвыми тараканами и понял, что они как бы нейтрализуют друг друга, как кислота и щелочь. Огонь и вода. Зло и добро. – Значит, приводи в такую комнату, где уже в большом количестве обитают Альбиносы. А таких людей – нейтрализаторов предостаточно в любой семье в любом коллективе. И все по нулям. Ни тараканов, ни ворчащих жен! Ни конфликтующих коллективов. Ни воюющих стран. Полная гармония!

В бане пахло квасом и распаренным веником. Через минуту послышались частые удары веника и довольные возгласы Присыпкина.

С тех пор Присыпкин перестал пить. И тараканы в его доме не заводятся. Приписывают это к тому, что он работает на станции и достает сильные средства. Может быть и так, но нам хочется верить совсем в другое.

Москва 1979 г.

Год Обезьяны

Первый километр

Озверевший ветер со скрипом раскачивал корабельные сосны, как бы пробуя на прочность. И убедившись в их устойчивости, налетал на меня, пытаясь повернуть обратно. Лепил снегом глаза. Но я, подняв воротник полушубка и натянув шапку-ушанку по самые брови, шел все быстрее и быстрее с единственной мыслью как можно подальше уйти от этого поселка, в котором осталась моя любовь. Раньше я даже представить себе не мог, что этот поселок станет мне ненавистным. Станет причиной невеселых мыслей и обид. Мне было обидно не только за то, что не пришел рейсовый автобус и не взял попутный грузовик до станции, но и за то, что шел этот проклятый снег. Я был во власти грустных мыслей, и не заметил приближения бензовоза.

– Ты что, оглох? – кричал на меня не молодой, но веселый водитель, высунувшись из кабины. – Куда бредешь в такую бурю?

– До станции возьмете? – неуверенно спросил я.

– Возьмем, если улыбнешься! Не люблю серьезных попутчиков. От них компрессия уменьшается, что прямо сказывается на тягловой силе моей «лошадки», – шутил он.

Я выдавил улыбку.

– Ну, давай полезай в кабину. Замерзнешь тут с тобой. Едрена пух! Рядом с ним сидела, красивая девушка, в модном выше колен, демисезонном пальто. На круглых коленках, обтянутых капроном чемодан-дипломат. В ногах до отказа набитая сумка. – На электричку успеем? – блеснула она вставными золотыми зубами.

– Должны. Если не застрянем где-нибудь в пути. Здорово метет! Едрена пух! – проговорил он, не отводя взгляда от белой полосы дороги, с одиноким следом проехавшего грузовика.

Бензовоз надрывался, карабкаясь по извилистой дороге, вверх. Внизу через пелену снега, темнела, еще не замерзшая, после плотины ГЭС, река. Снег лепил лобовое стекло так, что «дворники» не успевали отчищать. И вскоре обледенев, беспомощно буксовали. И водителю, время от времени, приходилось отбивать со щеток лед, останавливаясь и вылезая в пургу из машины. Златозубая соседка то и дело косила взглядом, пытаясь разгадать мои невеселые мысли. Но задавать вопросы не решалась. Так и ехали молча. Каждый наедине со своими мыслями.

Дворники со скрежетом скребли стекло, слева – направо, справа – налево. Туда – сюда одна секунда, в минуту шестьдесят раз. А сколько раз они проделают эту операцию за два с половиной часа? За то время пока мы доедем до станции? Много. Столько же грустных мыслей теснились в моей голове, обгоняя друг друга, проясняясь и затухая в моей памяти.

От мрачных мыслей, на глазах наворачивались слезы. И я вдруг вспомнил стихи, кем-то записанных на память, в мой блокнот: «Гордым легче, гордые не плачут. Ни от ран, ни от душевной боли. На чужих дорогах не маячат. О любви как нищие не молят. Широко распрямлены их плечи. Не гнетет их зависть и корысть. Это правда – гордым легче. Но только гордым сделаться не просто»!

Я, наверное, не был гордым, и поэтому тихо плакал, стыдясь себя и своих слез. Когда на глазах накапливались слезы, готовые вот-вот пролиться, я отворачивался к замерзшему боковому стеклу. Или же поднимал голову так, чтобы слезы обратно вкатывались в меня. И так до тех пор, пока не научился плакать только одним, скрытым от посторонних глазом. Я с удивлением заметил, когда с правого глаза капали слезы, левый же глаз, оставался совершенно сухим. За окном промелькнул километровый столб.

Второй километр

Телеграмма была короткой: «Не приезжай! Вышла замуж». Отправляя Оле телеграмму о своем окончательном приезде к ней, я готовился к самому худшему. И поэтому такой ответ меня мало удивил. В конце концов, она могла и пошутить, думал тогда я, готова себе последний, как мне казалось, холостяцкий ужин: глазунью из трех яиц с «докторской» колбасой.

Я вспоминал разговор с Олей во время летнего отпуска. Был полдень. Термометр подскочил за тридцать. Раскаленный воздух проникал даже в чулан, где я, спасаясь от жары в одних шортах, лежал на скрипучей металлической койке. Пахло мукой, мышами и свежими березовыми вениками, которые сушились на жердочке под самой крышей. Ей было жарко. Но она не хотела снимать «сафари», пока единственные в поселке, привезенные мной из столицы.

– Да скинь ты с себя это барахло, – говорил я. – Духота-то, какая?! Или ты меня стесняешься?

– Да нет. Я могла бы раздеться перед тобой и не только, – хитро улыбалась она, угощая меня с рук блинами с клубничным вареньем. Когда варенье капала мне на грудь, она слизывала их, подолгу задерживаясь на каждой капле. Нарочно щекотала длинными ресницами. Синие глаза излучали тепло и уют. Пышные груди просились на волю. Я был на седьмом небе.

– Прямо здесь в чулане? – смеялся я. – А родители?

– И место бы нашли где. Но я думаю, еще рано. Да и нельзя, говорят, в этом году жениться – год Обезьяны. Вот приедешь под Новый год, и я отдам тебе самое дорогое, что у меня есть!

– Ха-ха-ха! Неужели «самое дорогое» может еще остаться после двадцати семи лет? – съязвил я, и тут же пожалел об этом.

– Представь себе, – говорила она, слегка краснея и прикрывая оголенные колени. – Все всадника на белом коне ждала. Воцарилось неловкое молчание. В тишине было слышно, как билось о стекло чулана залетевшая пчела и возню Бобика под сенями.

– Ты мне будешь писать? – спросил я, пытаюсь разрядить натянутую атмосферу.

– Я не люблю писать письма – буркнула она, глядя куда-то в сторону.

– Ну, хорошо. Тогда через полгода я отстучу тебе телеграмму: «Выезжаю, встречай»!

– Я тебе тоже: «Не приезжай, вышла замуж», – тихо смеялась она, уткнувшись в мое плечо, довольная тем, что не осталась в долгу.

– А все-таки?

– Так уж и быть, приезжай! Согласна. Глупенький! Я же люблю тебя.

Я верил ей. За пять лет нашего знакомства, я знал ее достаточно хорошо. И поэтому не представлял дальнейшей жизни без нее. И все-таки, где-то в глубине души вспыхнул уголек сомнения, обещавший стать большим пожаром. Хлопоча над ужином, я старался быть спокойным. Но это мне плохо удавалось. Я чрезмерно гремел посудой, и даже разбил одну из тарелок.

Допив кофе, я оглядел комнату, в которой прожил больше четырех лет. Две кровати, две тумбочки, два стула, стол, шкаф и две сумки у дверей, в которых уместились все мои пожитки. Не густо.

Над кроватью висел отрывной календарь с тремя последними листами минувшего года, года Обезьяны по японскому календарю, – не обещавшего ничего хорошего тем, кто родился под созвездием Близнецов в год Дракона. Как не странно, я верил гороскопу. И, как предсказывали звезды, со мной за эти оставшиеся три дня должно было случиться что-то непоправимое. И чем меньше оставалось дней, тем сильнее росло чувство чего-то неминуемого. И поэтому, как приговоренный, не дожидаясь своей участи, я бежал к Оле в Красные Ключи, желая спастись или хотя бы отсидеться. Потому что там, в глухомани рядом с ней мне казалось, было спокойней.

Город мне теперь казался большими жерновами жизненной мельницы, которая перемалывала людей как муку, и плевелу. Мне было страшно осознать то, что я могу оказаться в числе последних. Четыре года назад крупно поссорившись с Олей, я покинул родные места, бросив вызов всем, желая доказать на что я способен. Я мечтал стать киноактером и покорить весь мир. Но таких «покорителей», как я, оказалось много. И поэтому в институт кинематографии я не прошел по конкурсу. А впоследствии, получая жалкие трешки за массовки в мосфильмовской кассе и слушая закулисные сплетни о звездах киноэкрана, я вообще разочаровался. И понял, что кино – не моя стихия. Я порядком растерялся тогда. Не знал, куда себя девать и чем заняться и, мучаясь от безделья, шатался по магазинам. Вот тогда я встретил белобородого старика, словно из сказки. Мы столкнулись у входа. Он оглядел меня с ног до головы и сказал:

– На деревья смотри, сынок. Деревья успокаивают. Я тогда ухмыльнулся и пошел своей дорогой, думая, что всякие бывают люди. Но теперь каждый раз, вспоминая слова старика, начинаю понимать, что он был прав. Я понял, как важна для человека родная земля, где он вырос и воспитывался. Я испытал на самом себе, что человек, как дерево, оторвав корни от родной земли, начинает чахнуть. Каждый раз, когда мне становилось не по себе, я вспоминал родительский дом над обрывом речки Тибильки – небольшой поселок, затерявшийся в лесах Приуралья. Где совсем недавно кипела жизнь. Но теперь всего этого не было. На месте рабочего поселка в человеческий рост шумела молодая посадка. На месте дома – карьер. И ни одной живой души. Лишь старые липы, как свидетели случившегося, одиноко торчали в тех местах, где когда-то была единственная семилетняя школа в округе, клуб и гаражи. Люди, съехавшись со всех мест, каждый день с утра до вечера делали то, чтобы в одно прекрасное время лишиться всего. Был лес, была и работа. И разъехались люди, кто – куда в поисках работы и хлеба насущного, чтобы потом через десятки лет вернуться в родные места и вспоминать, сидя на берегу обмелевшей Тибильки, о днях нелегкой, но счастливой жизни.

Третий километр

С Олей мы познакомились пять лет назад, в литейке моторостроительного завода. Не раз я выливал металл мимо лотка, когда она проходила возле моей литейной машины к автомату с газированной водой. Она не шла, а плыла мимо станков и машин. И казалась богиней среди грохота и нагромождения металлического хаоса. В такт ее движению раскачивалась ее длинная коса ниже пояса.

– Чураков! Опять мимо льешь? – кричал на меня сменный мастер Разбежкин. – Вот начну высчитывать за перерасход металла, тогда будешь знать, как ловить ворон!

А Оля даже не смотрела в мою сторону. Правда, до тех пор, пока не прогорел тигель моей литейной машины. Расплавленный металл вытек, заполняя приямки и проходы между машинами, остужаясь и поднимая чугунные плитки пола. Горело вокруг все: ветошь, масло, кабели, кроме площадки, на которой стоял я. Такое зрелище случается не каждый день, и поэтому сбегался весь цех. Пришла и Оля с подружками с участка обрубки. А я, как ни в чем не бывало, продолжал работать. Протечка была чуть ниже половины котла, и оставшийся металл пришлось бы вычерпывать вручную. И поэтому я, посоветовавшись с мастером, решил доработать до конца.

На меня смотрел весь цех. А главное Оля. Я весь подобрался и работал без лишних движений. Черт побери! Как красиво я работал! Хоть в кино снимай.

Вот тут-то она меня и заметила. Уже все ушли в душевую переодеваться, а она продолжала стоять возле моей машины. После работы я проводил ее до общежития. Так и познакомились. Дружили целый год, пока не поссорились из-за чеканки собственноручного изготовления, которую я подарил ей в день рождения с посвящением: «Твой взгляд подобен звездопаду. Твой стан изящней стана лани. Твой смех, что брызги водопада. Твоя душа-алмаза грани!»

Всего лишь четыре строчки, посвященные другой девушке, сыграли свою роковую роль. Так оказалось, что подружки-соперницы жили в одном общежитии. И та, первая, увидев над кроватью Оли мой подарок с посвящением, которые когда-то были адресованы ей, приревновала и не замедлила отомстить мне, обвинив в непостоянстве, если не чувств, (мы с ней уже давно расстались), то хотя бы в посвящениях.

Взяв три билета на итальянский фильм, она пригласила меня и Олю. Две серии я просидел между ними как дурак. Знал бы, что они сговорились, я бы их самих с носом оставил. Но по молодости я еще не знал, на что способны ревнивые женщины. Потом, когда прощались возле общежития, Оля сунула мне что-то в карман. Я подумал – сдачу за мороженое. Но это оказался золотой перстень, подаренный мной в годовщину нашего знакомства. Красноречивей уже не скажешь. Возврат подарка я понял как отказ и уехал.

Мне было все равно куда, лишь бы уехать и забыться. И по некоторым стечению обстоятельств, попал на строительство столичных олимпийских объектов. Она долго игнорировала мои письма, но потом через два года сама поздравила меня с Первомаем.

Я написал большое письмо. Она ответила и просила приехать в отпуск летом. Что я и сделал, не откладывая в долгий ящик.

Поселок Красные Ключи, зажатый к берегу Уфимки лесистыми горами, мне понравился сразу, как только я оказался на одной из самых длинных и главных улиц. Воздух поселка, весь пропитанный ароматами леса, теплой смолы, муравьями, запахом бензина вперемешку с запахом подгнившей древесины, будоражили в моей памяти дни недавнего детства, прошедшие среди грохота тракторов, трелюющих тяжелые бревна к сплаву. Поэтому я ехал в Красные Ключи, как в родной поселок.

Двадцать четвёртый километр

На следующий день серебристый лайнер перенес меня из осени в зиму, из московской слякоти в уральскую стужу. Монотонно гудели турбины, унося меня все дальше и дальше от столицы. Где было прожито четыре года. Справа в иллюминатор светило солнце. А там внизу, как объявила по радио бортпроводница, бушевала пурга. Самолет шел на снижение. Все ближе и ближе подступали облака. При виде их каждый раз у меня появлялось желание прыгнуть на них с высоты и порезвиться как в стогу соломы. Далеко за элеронами догорали мосты. Другой на моем месте взял и уехал, но я не мог уехать, не лишив себя иллюзии на повторное возвращение и бесцельное прожигание жизни.

Каждый «лимитчик» с нетерпением ждет окончания срока временной прописки. В конце декабря у меня заканчивался этот срок, и документы на постоянную прописку уже лежали в моей тумбочке. Но радости от этого не было. Потому что постоянная прописка ничего не давала кроме возможности встать в очередь для получения жилья, лет через десять. Увеличивая сроки ожидания одиночества и неустроенности. И поэтому я должен был сделать так, чтобы лишить себя этой возможности.

Но для этого нужен был документ, компрометирующий меня в глазах общественности. Который гарантировал бы отказ в постоянной прописке. Опуститься до того, чтобы подобрала, меня милиция в нетрезвом состоянии я не мог. И поэтому ждал случая. И когда представился случай, я сразу же воспользовался им, даже не успев опомниться.

Ежегодно мы с друзьями встречали новый год за городом. И каждый участник новогоднего стола должен был внести свою лепту. Мне выпало достать мешок картошки.

В овощных магазинах давали только по три килограмма. И поэтому ребята «договорились» с рабочими на овощной базе, возле которой мы работали, и внесли кое-какую мзду. Мне оставалось всего лишь найти машину и привезти ее к месту пиршества.

Весь ужас я понял только за воротами овощной базы, когда словно из-под земли вырос перед машиной милиционер с черно-белым жезлом.

– Опля! – вырвалось у меня.

Видя перед собой милиционера в сержантской форме, я спиной чувствовал мешок в багажнике. Его примерный вес, цвет и даже пыльный запах мешка. Машина взвизгнула тормозами. Сержант отдал честь:

– Почему Вы заехали на территорию плодоовощной базы? Знаете ли Вы, что это не положено?

Таксист пожал плечами. Делая вид, что ему всё – равно, куда прикажут пассажиры, туда и едет. Смерив меня подозрительным взглядом, сержант попросил открыть багажник. По моей спине побежали мурашки. Мне ничего не оставалось, как выйти из машины и следовать за сержантом к красному «жигуленку» с рацией.

– Вот люди! Уже машинами воруют, – сказал он сидящему за рулем лейтенанту. И повернувшись ко мне, добавил:

– Документы есть?

Я нехотя вытащил паспорт.

– Так – так, Чураков Алексей Иванович, – сержант взглянул в мой паспорт, составляя протокол. – Тысяча девятьсот пятьдесят второго года рождения, уроженец поселка Тибиль Башкирии, стало быть, земляк! А я из Бирска. Слыхал? – улыбнулся он, и тут же сдвинул брови, заученно проговорил, – Рост ниже среднего, волосы прямые, светлые, глаза карие, нос прямой, губы тонкие, волевые, никаких отличительных примет на лице и на руках нет. Полосатая телогрейка на лесоповале будет тебе к лицу. Кем и где работаешь?

– Сварщиком на стройке.

Он недоверчиво улыбнулся. Видимо его смутил мой вид. В худшем случае я мог походить на прораба.

– Да – а, Чураков, что же толкнуло тебя на воровство? Да еще под праздник? Что дети плачут, да?! Есть просят, да?!

– Да расстрелять его на месте – вмешался лейтенант. Что с ним чикаться!?

И пока они составляли протокол, я уже отсидел десять лет. Три раза расстрелял себя и четыре повесил. И чувствуя, что краснею, выдавил из себя:

– Да не себе это, а ребятам. В общем, собираемся мы встречать Новый год за городом. А будет человек тридцать. Кормить их надо? Надо. Да какое это воровство среди бела дня? На базе больше гниет. А что будет мне за это?

– Ничего. Вызовут в горисполком, штрафанут рублей на пятьдесят. И «турнут» из города за сто первый километр!

Что «турнут» меня устраивало. Но мне было жаль пятидесяти рублей. Я задумался и пролепетал:

– А может не надо а? Протокол-то, а земляк? Поймите, я же не для себя... Я просто прошу.

– Что написано пером – не соскребешь и топором, – сказал он и отвернулся.

– А как быть с мешком?

– Свари себе ужин!

За поворотом я выкинул мешок на обочину. И отпустил такси.

– Ну что Чураков, допрыгался? Не умеешь воровать – не воруй! Ни когда чужого не брал. И на тебе преступление! А что же заставило тебя сделать это?

Много вопросов, роились в моей голове в тот вечер, на которые, не было у меня ответа. Но зато на борту самолета я понял. Я же сам хотел этого. Вспомнил про гороскоп. Я же чувствовал, что со мной в этом году должно было что-то случиться?! И на – те вам. Получите, распишитесь! И это еще цветочки... думал я, разглядывая здание аэропорта в иллюминатор. А что если и другие в этом году совершат такие же необдуманные поступки? От солдата до президента – каждый на своем уровне, исходя из своих возможностей и масштаба?

Как бывший ракетчик, перед моими глазами предстали те ребята, которые сидели за пультами ракетных установок и подводных лодок.

Находясь в воздухе, я несколько раз ловил себя на том, что невольно шарил взглядом по горизонту в поисках атомного гриба. И от таких мыслей мне становилось страшно. И я зажмурил глаза, пытаюсь развеять дурные мысли. Подали трап.

Тридцать пятый километр

До поселка Красные Ключи путь не близкий. Несколько раз сменяешь автобусы и электричку, и только тогда, внизу под горой покажутся веселые огоньки поселка.

Изменения в доме Краюхиных я заметил сразу же, как только сошел с автобуса. Окна освещал неоновый свет, вместо бывшей простой лампочки. Двор тоже был освещен. И даже Бобик теперь не лаял на каждого прохожего, а может и в самом деле уже некого сторожить, – подумал я, толкнув ногой калитку низеньких ворот. Теперь мне было все равно. Назад пути уже не было. А мосты отступления догорали рубиновыми огоньками уходящего автобуса. На запоздалый лай Бобика вышла сама Оля.

– Алеша, ты?! Почему ты приехал? Я же писала, – проговорила она удивленно и даже с некоторым испугом, запахивая черную шубу из искусственного меха, стараясь скрыть уже заметный животик.

– Да? А я нечего не получал, – выдавил улыбку я. Воцарилась долгое мучительное молчание. Вышла Евгения Петровна, Олина мама, большая мастерица по приготовлению разных вкусностей, выпустив на улицу вместе с клубами пара знакомые запахи выпечек, тоже удивилась не меньше дочери.

– Ну, заходи, раз приехал. Но только зачем? – спрашивала Оля. Не то меня, не то сама себя.

– Ты что делаешь, доченька? Хочешь себе жизнь поломать? Не делай этого! Пусть идет своей дорогой.

– Я уже приехал, – многозначительно проговорил я.

– Ну что ж, заходи коли так. Не выгонять же тебя на улицу, на ночь глядя.

В доме ничего не изменилось. Так же было тепло и тесно. По-прежнему делила избу деревянная перегородка, за которую справа втиснулся гардероб с зеркалом. За ним у окна Олина кровать. На ней, по всей видимости, укрывшись газетой от падающего света, в тельняшке спал Олин муж. А слева на другой кровати за печью тоже спал, мой большой друг Иван Андреевич Краюхин. С которым, еще летом, мы как родственные души, сразу же нашли общий язык.

После стычки с браконьерами во время работы в лесничестве, он оглох на оба уха. И теперь, как инвалид, был на пенсии и управлял нехитрым домашним хозяйством.

Посредине комнаты стоял стол. За ним комод. А на ней телевизор:

– ...В Ленинграде ноль плюс один, осадки. В Москве ночью ноль минус один, днем ноль плюс три, снег с дождем....

В углу, у самой двери справа, пытался щипать специально засушенные на зиму липовые веники, рыжий теленок. Они обычно появляются в марте, но в этом году все перепуталось, и я уже перестал удивляться. Слева гудела печь. На плите что-то фырчало, распространяя по избе вкусные запахи и возбуждая аппетит. На скамейке я заметил свою злополучную чеканку – мой подарок. Теперь, по всей видимости, служившей подставкой, которая при моем появлении тут же исчезла.

– Эй, подъем! Поедем за соломой. Быки голодные стоят! – нарочито весело пропел я, тряхнув спинку Краюхинской кровати. – Пропадать, так с музыкой!

Краюхин тут же соскочил с кровати:

– Фу ты, чуть Новый год не проспал! – проговорил он, молодцевато тряхнув слегка седеющей шевелюрой жестких волос.

– Давно приехал-то?

– Только что, – ответил я. Кстати, говорить для Краюхина вслух не было необходимости. Достаточно было внятно шевелить губами, и он понимал. Мы обнялись. Зашевелилась и газета. Потискав меня и отпустив, Краюхин как-то виновато сказал,

– Да-а, видно не судьба... – потом, оживившись, добавил. – Я, было, прилег отдохнуть, и уснул, черт его дер!

– А это такая примета-перед приходом неожиданного гостя всегда ко сну клонит, – вмешалась Евгения Петровна, ставя на стол горку оладьей, добрая женщина с болезненным лицом, много повидавшая на своем веку и поэтому рано постаревшая.

– Ну, Алеша, раздевайтесь, садитесь, ужинать будем. Вань, давай руки мыть! Марш – марш, – командовала она.

И все вокруг задвигалось и закрутилось. Олин муж, сунув мне руку: «Эдик» – пошел греметь рукомойником. Я невольно сравнивал его с собой. И во многом проигрывал: он был выше меня ростом, красив и порывист. Он принял меня за дальнего родственника Краюхиных. И, узнав, что я из Москвы, начал расспрашивать о столице.

– А как там с продуктами? Все ли есть? Сколько стоит говядина? Бывают ли женские сапожки? Почему джинсы?

Порывшись в сумке, я выудил оттуда одну из бутылок «Пшеничной», припасенную мной для этого случая, апельсины, яблоки, бананы. Покрутив в руках коробку дорогих французских духов, предназначенных той женщине, которая успокоит мою исстрадавшуюся душу, я сунул обратно. Сели за стол. Выпили и закусили.

– Берите, берите! Вы с дороги, проголодались, наверное? Вот Вам еще положу, – суетилась Олина мама, почему-то называя меня на «Вы» и виновато пряча глаза, уходила за перегородку.

Разговор не клеился. По традиции пили, и ели в ожидании Нового года. Я где-то читал, чтобы узнать человека, необходимо поставить его в экстремальное положение или напоить. Я вытащил вторую бутылку.

– Ну что, выпьем за уходящий год! Не так уж он и был плох, – мы вот с Олей поженились, – сказал Эдик, разливая водку по рюмкам и, взглянув на этикетку, восхищенно добавил:

– Ого! Московского разлива! А мы-то пьем Сарапульского!?

– Какая разница – нефтепровод-то один, – сказал я.

Хотя я и не был сторонником застолья, но пил наравне с Эдиком, но почему-то не пьянел. Эдик, быстро захмелев, заиграл на баяне довольно-таки хорошую мелодию: «Ромашки спрятались, завяли лютики...». Играл неважно, спотыкался и фальшивил. Но сама песня говорила о безвозвратной любви.

Пели все, кроме Краюхина. Песня тронула мою душу. К горлу подкатил ком. Я весь сжался и стиснул зубы. Увидев изменения на моем лице, Евгения Петровна прекратила петь и остановила Эдика. Решили покурить.

Тихо падал снег. В окне напротив, мелькала разноцветными огнями елка. Было тихо. И только изредка где-то далеко брехала собака на запоздалых прохожих. Деревенская тишина после городского шума кажется какой-то особенной. И поэтому, ради компании затягиваясь сигаретой, я с жадностью вслушивался в эту тишину.

– Хорошо!

– Вторая Швейцария, – ответил Эдик, усаживаясь на ступеньках крыльца, и выпустив дым, добавил, – когда я в первый раз приехал в Ключи, я обалдел от этой красоты. Ну и остался работать в отделе снабжения сельпо.

– Я, конечно, не бывал в Швейцарии, не знаю, – перебил я его. – Но если и там также как и здесь, в Ключах, то должно быть здорово.

– Так говорят! – сказал он.

– А почему ты пошел работать в ОРС? – спросил я.

– У меня было два варианта. Первое – идти шоферить в леспромхоз. Получать чуть больше и ничего не иметь. И второе – экспедитором. Получать меньше, но зато иметь, что

душе угодно. Особенно теперь, когда трудно с продуктами. И я, не задумываясь, выбрал второе! Потому что каждый на моем месте сделал бы так же.

– Не знаю, не знаю, – проговорил я, задумавшись о своем, меня мучил вопрос, почему Оля выбрала его.

Я вспомнил летний разговор с Олей. С реки несло прохладой. После знойного дня это особенно приятно. Лодку, в которой мы сидели с Олей, слегка раскачивало течением. Круглая луна украдкой подглядывала из-за зарослей тальника. Мы любовались звездами и дальними огоньками на той стороне реки. Там, даже ночью тянули нефтепровод.

– Скоро сенокос начнется, – говорила Оля, нежно обняв меня за плечи, и перебирая мои волосы на затылке.

– А кто будет косить, – спрашивал я.

– Вдвоем с отцом. Отпуск возьму. И все же тяжело будет. Раньше мама помогала, а теперь не может – давление.

– Хочешь, помогу? – Так это не скоро, дней через десять. К тому времени у тебя и отпуск закончится. И к тому же ты еще не был у себя дома.

– Справишься?

– Вообще-то мне один товарищ обещался помочь, – сказала она как-то неопределенно. Тогда я не придавал этому разговору никакого значения. Но за то теперь, весь этот разговор всплыл в моей памяти с новой силой.

– Сено ты косил?

– Да – а, – оживился он. – Я как раз приехал к родичам погостить после армии. А Оля пришла к своей подружке, познакомились. Она и предложила приехать на сенокос. Понравились друг другу. Ну и поженились, потом. А почему ты не приехал на свадьбу? Мы же всех родственников приглашали.

– Я был в командировке и узнал об этом поздно, – нейтрально парировал я вопрос и резко сменил тему: – Что-то стало холодать, не пора ли нам поддать?!

В доме творилось заметное оживление, до начала года оставались считанные минуты. Прошли к столу. Наполнили стаканы.

– Я хочу выпить за Ваше счастье, Оля! – сказал я с торжественной грустью. – Не знаю, но постарайся быть счастливой! За вас, и с Новым годом! Все поддержали тост, но каждый по-своему. Эдик, выпив залпом и опрокинувшись навзничь на кровати, забренчал на гитаре, выкрикивая отдельные фразы из какой-то песни, задел ногой стол, от которого зазвенела посуда и упали бутылки. Все молча посмотрели на меня, как бы извиняясь за него. Евгения Петровна пригубила и, поставив стакан на стол, задумалась. Краюхин с грустью, вздохнул, и стал пить маленькими глотками, как бы давясь. Оля, выпив половину, убежала за печь как бы запевать водой. Но она там плакала. Это я знал точно. Потом Эдик куда-то исчез. И пользуясь моментом, я решил уйти. Оставаться дальше не было сил.

– Ну, пожалуй, я пойду...

– Что ж, идите, – сказала Евгения Петровна. – Только почему вы приехали-то?

– Узнать, проведать, убедиться...

Провожать вышла сама Оля. Я хотел сказать ей все, что о ней думал. Но подкативший к горлу ком не давал молвить и слова. И я хлопнул калиткой. На улице было оживленно. Все поздравляли друг друга с Новым годом. Валялись в снегу. Пели и плясали под гармошку. Я шел среди всей этой шумной кутерьмы сам по себе, наедине со своими грустными мыслями. Я просто шел, сам не зная куда.

Тихо падал снег. Поселок жил своей жизнью. Люди радовались началу Нового года. Им было не до меня.

Шестьдесят шестой километр

Поселок вдруг кончился. Я это понял по тому. Что стало темно. Дорога за поселком не освещалась. Возвращаться назад я не хотел. Опасаясь встречи с Эдиком, который наверняка уже меня разыскивал. Теперь я был зол и мог побить его. Впереди, слева, виднелись еще несколько одиноких домов, манящих проемами освещенных окон.

В первом доме мне не открыли. Во втором оказались только дети. И они, пошущукавшись за дверями, не рискнули открыть незнакомому дяде. И направился к третьему, уже без всякой надежды быть пущенным и обогретым.

Но на дороге стоял Эдик. Без шапки. Шуба нараспашку.

– Куда ты ушел? – голос был явно обиженным. – Ты что на меня обиделся? Так, я же к родичам за магнитофоном ходил. Пойдем, потанцуем!

– Мне не до танцев, – зло бросил я. И пошел было своей дорогой, но он схватил меня в охапку и потащил обратно. Я не хотел. Но он настаивал на своем. И до тех пор, пока мы не оказались на снегу. Я попытался подняться, но тут чей-то ботинок отпечатался на моих ребрах.

– Наших, бьют, – донесся до меня чей-то пьяный голос. Огляделся, их было трое. В руке одного из них что-то блеснуло. Надо было защищаться. И я защитился, как меня учили. И главное легко и быстро, что даже сам удивился. Например, киношники, чтобы снять такой дубль, неделю бы бились, и вряд ли так вышло!

Отделавшись от них, я все-таки направился к третьему дому. Я даже повеселел. Улыбнувшись, обернулся. Они преследовать не стали. Только погрозили кулаком вслед, на всякий случай.

– Кто там? – спросил за дверью хриплый мужской голос.

– Извините, не пустите ли переночевать? Ехал в Павловск, а машина сломалась, – солгал я, потому что никакой машины у меня не было да и быть не могло.

Хозяин загремел засовом.

– С Новым годом!

– С Новым счастьем, – отозвался он, окинув меня недоверчивым взглядом. И, поправив левой рукой спадающую с плеч телогрейку, поеживаясь от холода, засеменял впереди меня в дом.

– Кто там? – донесся из темноты женский голос.

– Дед Мороз пришел! – пошутил хозяин, включив в прихожей свет. И, обращаясь ко мне, добавил. – Ну, что же, раздевайся, сынок, проходи, погрейся у печки. Холодно сегодня. Как там, гуляют?

– Да. Праздник.

– Сын у нас с рейса не приехал, шофер он у нас в леспромхозе, вот и беспокоится сноха. Дорога есть дорога, всякое может, случится.

– Это точно, – заключил я.

– Ну, проходи, погрейся! А я пойду, посмотрю, корова должна отелиться. Молодая еще. Первый отел. Давеча смотрел, лежала. Кабы не проглядеть, – бормотал дед, направляясь к выходу. У натопленной печки было тепло.

Вышла молодая хозяйка. Еще совсем девочка, небольшого роста, с чуть заспанным лицом.

– А я подумала, в самом деле, Дед Мороз, – с некоторым разочарованием проговорила она.

– Да нет. Деду Морозу легче. У него тройка лошадей – техника безотказная, надал «овса» и жару. Не то, что у нас грешных. Спасибо, что пустили, не то пришлось бы замерзать

в машине, – продолжал я играть в незадачливого автолюбителя. И в то же время, стыдясь своей лжи. Но говорить правду не хотелось.

– Есть хотите? – спросила она, прислушиваясь к каждому шороху на улице – ждала мужа.

– Не особенно. Но от горячего чая, пожалуйста, не откажусь. Она сняла накидку с накрытого по-праздничному стола и налила мне чаю.

– Угощайтесь, пожалуйста! Вот наготовила, думала, приедет, посидим, – виновато улыбнулась она, и так же тихо ушла, как и появилась.

– Вроде начинается, – сказал дед, возбужденно хлопнув дверью и топя валенками. – Но что-то не так...

Дед был еще крепок: с чуть поседевшей щетиной коротко отстриженных волос, крупным красным носом, рыжими прокуренными усами и веселыми добрыми глазами на широком лице.левой руки не было. Это я заметил только потом, когда он скинул замасленную телогрейку.

Немного согревшись, мне вдруг захотелось принять участие в их заботах.

– Пойдем, посмотрим, – сказал я.

Рыжая корова лежала на соломе, запрокинув голову. Крутые бока то поднимались, то опускались. Почувствовав наше присутствие, она приподняла голову и несколько раз жалобно промычала, как бы прося о помощи.

– Ветеринар в поселке есть? – спросил я.

– Откуда ему тут взяться, в леспромхозе. Только в соседнем колхозе, за десять километров... Ну, что стоять-помогать надо. Видишь, трудно идет.

Я ни разу не видел, как рождаются телята, и было опешил. Но хозяин быстро завладел мной и моими мыслями. И дальше я делал все, что приказывал дед, сразу же позабыв о брезгливости.

– Тяни плавней, копыта оторвешь, – командовал дед, нажимая одной рукой и коленом на живот буренки. Возились долго, маленькие копыта выскальзывали из рук, и я падал на солому.

– На, возьми веревку и перехлестни ноги... Вот так... Тяни, плавней тяни. Оторвешь ноги теленку, не расплатишься, – уже шутил дед, увидев, что дело пошло быстрее.

– Фу ты, – проговорил дед, вытирая руку об солому. – Ну, кажется все! Пойдем пока в дом. Пусть мать оближет. А ты ничего, молодец, не оробел, и не стал воротить носа. Тебя как зовут-то?

– Алеша.

– А меня Иваном Матвеевичем кличут.

В доме помыли руки, и Иван Матвеевич принес бутылку водки и два стакана.

– Ну что, Алексей, обмоем теленочка-то? Теперь вроде Крестного ему приходишься, что ли?! – улыбался дед, наполняя стаканы. – Употребляешь? Лично тепер я только по особым случаям... раньше пил много.

Выпили и закурили у раскрытой плиты.

– Дом-то свой? – спросил я.

– Леспромхозовский. В прошлом году сыну дали. Ничего, дом большой и теплый. Только недолго придется жить в нем...

– А что выселяют?

– Да, нет. Кому мы нужны? Работа кончается. Леса лет на пять осталось. Вот вырубят и все. И комбинату бумажному каюк... Что делать? Опять сыну работу придется искать. Да и я уже привык к лесу, жить без него не могу. Сын говорит, что в Сибири много леса. Туда и поедем. На кой... мне она Сибирь, когда я здесь привык. Здесь, почитай, лет тридцать уже работаю. Мне каждое дерево знакомо. Каждый куст здороваается. И не далек тот день, хотелось бы здесь...

– Да, задача, – сказал я. – К сожалению, мне все это знакомо! Ну что пойдём, посмотрим, что там?

Хозяин не мог поднять теленка одной рукой. И поэтому молодая хозяйка тоже стала одеваться.

– Не беспокойтесь, – сказал я, – лучше я принесу теленка. Только дайте что-нибудь накинуть. Теленок при свете электрической лампочки оказался рыженьким как мать, но только с белым пятнышком на лбу. Она уже пыталась встать, но копытца скользили по окрашенному полу.

Мы выпили еще по одной, уже втроем, и легли спать.

Всю ночь снились кошмары. Снимали кино. Местом съемок почему-то выбрали Красные Ключи. И поэтому весь поселок высыпал на улицу. Был теплый летний день. Все камеры, поблескивающие линзами объективов, были установлены в небо, где парил дракон величиной с ТУ-154: покрытый зеленой чешуей, перепончатыми крыльями и утолщением на хвосте в виде булавы. Из ноздрей то и дело вырывалось пламя.

Чтобы было лучше видно, мы с Олей поднялись на балкон двухэтажного кирпичного строения. Она была в «сафари», большой белый платок прикрывал животик. Она была почему-то обижена и на меня, и не смотрела в мою сторону. По замыслу «киношников» Дракон должен был защитить народ от другого «злого» Дракона. И поэтому с минуты на минуту должен был начаться воздушный бой двух монстров.

В ожидании, наш Дракон низко парил в воздухе. На чем и как он летал, нам было неизвестно, видимо электроника! С каждым разом, разворачиваясь, возле нашего дома, его заносило. И вот во время очередного разворота он хвостом задел угол дома. Народ ахнул! А при следующем развороте снес пол дома. Половина балкона, на котором мы стояли с Олей, обвалилась, обнажая рваные края бетона и ржавой арматуры, и вместе со мной полетел вниз. Я протягивал Оле руку, но она не видела меня. Я падал вниз. Мимо меня пролетали обломки балкона, кирпичи, обувь и даже пианино на крышке, которой, покачиваясь, стояла ваза с цветами. А я продолжал падать. Оля, превратившись в точку, совсем исчезла. Я пролетел сквозь Землю и уже с той стороны видел, как горела земля, сталкивались поезда, падали самолеты взрывались дома. Народы континентов воевали друг с другом. Из пугин океана поднимались огромные волны и смывали материки.

– Я не виноват! – кричал я. Но слов моих не было слышно.

Мир летел в тартарары. Вместе с ним и я. Слева и справа, сталкиваясь, взрывались планеты, из обломков которых выстраивались буквы, а из букв слова: «Виновен, Виновен, Виновен!».

Я проснулся в холодном поту.

Обстановка была не знакома. Надо было определиться во времени и в пространстве. Начал вспоминать вчерашний день. Вспомнил Олю. И даже не заметил, как слезы покатались по моим щекам.

– Дяденька, не плачь! – вдруг сказала девочка лет трех, неожиданно появившись у моего изголовья, в шерстяной вязаной кофточке. – Ты ведь узе большой... Видесь, дазе я не плачу, – и провела своей маленькой ручкой по моему лицу и взлохмаченным волосам.

Мне сразу же стало стыдно и как-то легко на душе.

– Ты кто? – спросил я.

– Леночка. А у нас теленок есть, вот! Деда сказал, сто ты плинес. Плавда?

– Правда, – ответил я.

– Тогда мозно, я тебе что-нибудь подаю? Она притащила одноногую куклу.

Мне от ее доброты стало тепло и уютно. Я вспомнил про духи.

Увидев красивую коробку, она обрадовалась и поскакала к маме в другую комнату, делиться радостью.

– Мам, смотли, сто мне дядя подалил...

– Ну-ка, что это такое? Духи. Ух, как пахнет! Тут что-то по-иностранному написано кажется, «Мажи нуар». Это, наверное, очень дорогая вещь-то, доченька, давай вернем дяде!

Она надула губки.

– Не нужно возвращать подарок, – сказал я, погладив мою утешительницу по головке. – Она не очень дорога стоимостью, чем содержанием. Предназначалась той девушке, которая первая успокоит мою душу. И она этого заслуживает.

На свете я любил только две вещи: большие деревья и маленьких детей, потому что и те и другие не могли причинять зла окружающим.

Вдруг машина остановилась. Впереди замелькали железнодорожные вагоны. Это была уже станция. Я выгреб из кармана всю мелочь рубля на три, хотя водителю хватило бы и рубля. Но я был благодарен ему за то, что он скоро отделил меня от поселка, от воспоминаний и невеселых раздумий.

И вот электричка, набирая скорость и громяя колесами на стыках, уносила меня навстречу новой, еще неведомой жизни.

Москва 1967 г.

Татышлинский рай Томаса Нигаматзянова Публицистика

Наконец-то Томас с оказией прислал мне свою книгу. Позвонил, сказал, где и у кого забрать. Я на радостях поблагодарил его.

– Если будешь в Москве, обязательно заходи переночевать!

– Нет, ты сперва прочитай, что я о тебе написал, а то и на порог непустишь, – рассмеялся он.

Получив книгу, тут же ознакомился.

Книга, в самом деле была толстая, в твердом и красном переплете с золотым тиснением. Красиво и с умом оформлена – не книга, а шкатулка. Правда, не сразу нашел свою фамилию, с небольшим текстом и без фото, и немного обиделся. Узнал своих друзей и жителей района. Оказывается, я многих знал. Приятно было прочитать о моих тибильских, ялгызнаратских и татышлинских учителях: о Михаиле Гоголеве, Ризе Рахматуллине, Густаме Камалове, Фазыле Бадретдинове, Герасиме Кандееве, Римме Нуриевой, Закире Лукманове, Фарите Губайдуллине, Борисе Туктарове, Вакифе Ялалове, Насиме Ковальской. И особенно о Лукмановой Ирине Валентиновне, учительнице русского языка и литературы, пытавшейся привить таким оболтусам, как я, любовь к литературе и русскому языку. Также об одноклассниках и друзьях-товарищах. Особенно о братьях по перу, вошедших и не вошедших на страницы этой книги: об Альфреде Фатихове, Финате Шакирьянове, Риме Ахметове, Разифе Галишанове, Ирике Ахмерове, Резиде Гараевой, Римме Нуриевой, Ангаме Атнабаеве, Галие Чокрый, – воспевающих красоту родного края и искоряющих своим остро наточенным пером все то, что нам мешает жить.

Шагая к метро, я начал ощущать тяжесть книги. Два с половиной килограмма вроде вес небольшой, но чем дальше нес, тем становилось тяжелее. Получается, я нес на плечах весь Татышлинский район: с его полями и лесами, с его бездорожьём когда-то и асфальтом теперь, с его замечательным народом, с их Родословной до седьмого колена, героями всех войн, вернувшимися с поля брани и оставшимися там навечно, но не стертыми из памяти тех, кто еще жив и будет жить.

Помню, так же было нелегко идти по главной улице Москвы 9-го мая, в день 70-летия Победы над фашистской Германией, с пожелтевшим портретом своего отца, бойца трудового фронта, и – мысленно – с портретами своих односельчан и уроженцев Татышлинского района в шеренгах «Бессмертного полка». Людская река, тысячи и тысячи людей, начиная с Белорусского вокзала и заканчиваясь где-то у Кремля, вместе со мной несли портреты своих родных и близких людей. Раскатистые крики «Ура-а-а!» то и дело, как лавина, накрывали сзади и катились вперед, к Красной площади. Народ ликовал!

И мне вдруг стало стыдно за свою обиду. Были люди достойнее меня, которые удостоились лишь нескольких строк. А я тут иду к метро «Таганская» по Товарищескому переулку, обиженный на товарища Нигаматзянова за то, что он пропустил мою фотокарточку, и думаю о несправедливости. Есть люди достойнее меня, и каждый из них достоин рассказа, а то и целой книги. Каждый человек по-своему уникален и интересен. Но что делать, таков формат книги. В книге много не напишешь.

Итак, книга Томаса Нигаматзянова лежит теперь у многих на столе. Признаться, это ведь не только энциклопедия, но и историческое исследование. Где, например, решается пресловутый башкирский вопрос происхождения наименований деревень и сёл. Вспоминаю те далекие времена, когда еще я работал на Уфимском моторостроительном заводе и, по совместитель-

ству, внештатным корреспондентом газеты «Ленинец»; и отправили меня написать что-нибудь о студентах Уфимского педагогического института. Вспоминаю спор студента Вадима Шайхлисламова с профессором Кузеевым о наименовании поселений не только башкирскими именами, но и словами из языков тех народностей, которые там проживают, например, удмуртскими. И его рассказ про потерянный топор, «Тэтчи эши» («Здесь потерял»); получилось: Тэтчиэши – Тэтиш – Татышлы. И что интересно, Раиль Гумерович соглашался. Об этом пре словутом вопросе в своей книге упоминает и Томас.

Также, если башкирский историк Асфандияров в своей книге «История сёл и деревень Башкортостана» дал ответ только десяти процентам поселений Татышлинского района, то уже Томас, используя аналитику, встречаясь с аксакалами и изучая истории деревень в музеях школ, описал оставшиеся девяносто. Это плюс! Но было бы неплохо включить историю и «погибших» или «бесперспективных» деревень, таких как Кордон-Тибиль, Михайловка, Урняк и других. Например: Кордон-Тибиль в те времена гремел на всю округу, имея свою семилетнюю школу, клуб, магазин, гаражи с автомобильным и тракторным парком, пекарню, где пекли изумительный по вкусу хлеб, водяную мельницу, столярные мастерские, конный двор с «тяжеловозами» и свою электростанцию с «лампочкой Ильича». Правда, до тех пор, пока была работа. Спилили лес – не стало и работы. И разъехались люди кто куда в поисках работы и хлеба насущного. Чтобы потом временами возвращаться и, сидя на берегу обмелевшей речки Тибильки, со слезами на глазах вспоминать о днях нелегкой, но счастливой жизни... А это минус. Но, тем не менее, книга уже написана.

Это не только книга, но еще и Памятник. Книга памяти всех односельчан нашего Татышлинского района.

Вечером, немного ознакомившись с книгой, позвонил Томасу.

– Ну что, Томас, поздравляю тебя с книгой! – говорю я, – книга получилась ёмкая, интересная, заслуживающая уважения к тебе и редакционной коллегии, ко всем тем, кто принимал участие. По себе знаю, вложен огромный труд многих людей. Так что мое предложение останется в силе. Будешь в Москве, заходи, – сказал я, и шутливо добавил, – но будешь ночевать на кухне – за то, что пропустил мою фотографию!

– Да, согласен, – рассмеялся он, – а я тебя приглашаю в Казань. Я живу один, и места всем хватит. Да, многие обиделись, придется писать второй том.

Автора книги я знаю с детства. Приезжая на летние каникулы в Татышлы к любимой сестре Сажиде Исламовой, проживавшей в то время за старым универмагом, играли с ребятами в футбол «улица на улицу», в «казаки-разбойники» и бились в городки. Мальчик с редким именем Томас (Радиков в то время было больше) с детства выгодно отличался от нас, всегда опрятно одетый и подтянутый, ему хотелось подражать и брать с него пример. Томас был на четыре года старше. И у него были свои дела, потому он мало возился с нами, с «мелюзгой». И поэтому я больше общался с его братьями, но еще больше – с Хасановыми: Рафаэлем, позже – с Айратом, Ринатом и Наилем. Они, как жившие напротив, через улицу, и переехавшие из Кордон-Тибилы, были и остаются для меня как близкие родственники. Такими же родственниками стала семья Шайхлисламовых. Гадият-абый даже прозвал меня «Пахарем».

Дело тут вот в чем: как-то весной они решили вспахать огород, но управлять сохой никто толком не умел, и мой приход для них был спасением, так как у меня уже был опыт в этом деле. И мы с Вадимом вспахали огород на радость ветерану войны и труда, ко Дню Победы. А что касается моего друга Вадима, то сегодня он достоин не только уважения, но и подражания: оставив в городе все – квартиру, работу и карьеру, – вернулся в родительский дом, сделал пристройку к нему, превратил усадьбу в загляденье изнутри и снаружи, хоть экскурсии води, ухаживает теперь за престарелыми родителями.

Позже, когда я учился в Татышлах, Томас с товарищами организовали вокально-инструментальный ансамбль и выступали на школьных танцах и в районном Доме культуры.

В то же время он начал баловаться стихами и рассказами. После, когда я пришел из армии, он уже демонстрировал книжечки – толщиной с ученическую тетрадь, но с такой гордостью, как будто написал «Войну и мир». А теперь – на тебе, уже несколько толстых книг и уйма публикаций на разные темы. Можно только по-хорошему позавидовать.

Так же хорошо знал всю семью Томаса. Любимая сестра моя Сажида Исламова, кстати, дружившая с Райхана-апай, по доброте своей душевной, всегда приберегала к моему приезду на отпуск пару-тройку выходов по очередности «пастушить» за общественным скотом. И за день работы пастухом на пару с Фазыл Башировичем я, набегавшись, уставал так, что забывал, отдыхал ли на море? Но пообщавшись между делом с таким «ковбоем» и учителем, всегда оставался довольным.

Старшим по соблюдению очередности на общественных началах был отец Томаса Тимерхан-абый, с которым частенько встречались и говорили про жизнь. За его плечами была большая жизненная школа и опыт, не прислушаться к которому было нельзя, я слушал и мотал на ус. А что узнал от таких учителей, как Тимерхан-абый, Фазыл Баширович и Закир Лукманович, вы уже, надеюсь, читали. И что интересно, у нас с Томасом были одни и те же учителя. А Закир Лукманович, вечная ему память, стал моим читателем и собирателем моих публикаций из номеров газеты «Татышлинский вестник» и каждый раз показывал и делился своими впечатлениями, пока Ирина Валентиновна как добродушная хозяйка угощала нас чаем, когда я заходил к ним по приезду в Татышлы.

Вопрос, часто задаваемый моими читателями на творческих встречах: «Как стать писателем»?

«Прежде чем стать писателем, – отвечаю я, – надо придумать и написать хотя бы рассказ. Раз пятнадцать переписать. Потом отдать, кому-нибудь отредактировать. Потом править после его правки и дать отлежаться неделю – и снова отредактировать. Дальше напечатать в какой-нибудь газетке. Дописать после публикации. И только потом можно отложить в папку, где, возможно, потом наберется штук сто-двести таких же рассказов, обняв которую, будешь обивать пороги издательств, если найдешь уйму денег на издание этой книги. Такую работу может выдержать не каждый, только влюбленный в свое дело, и если есть что сказать.

Писать, когда уже не можешь не писать. Когда просыпаешься ночью от зуда в руках и садишься за письменный стол. И только тогда, может быть, когда-нибудь тебя назовут писателем, и, может быть, поставят памятник. А потом будут плевать в тебя завистники – и сносить твои памятники. И такое бывает! Если готов пройти все это, можешь стать писателем. Или не стать».

Говорят, человек за свою жизнь должен посадить дерево, построить дом, воспитать сына и написать книгу.

Что касается автора книги, то его затронули все перипетии. Можно его ругать, обызывать нехорошими словами, но он написал свою книгу в «Год Литературы» и семидесятилетия Победы в Великой Отечественной войне – и теперь достоин уважения. Так что, если он приедет в Москву, придется усадить его на самое почетное место, угостить коньячком, а потом уложить спать в комнате, на самой большой кровати.

Говорят, слово материально. И тем более слово, напечатанное на бумаге, приобретает самостоятельность и уже живет отдельно от своего хозяина, обретая бессмертие. Такое же бессмертие я пожелал бы книге Томаса «Татышлинский рай»! А ему самому – дальнейших творческих успехов при работе над вторым томом, учитывая пожелания и конструктивную критику своих читателей!

Отец

Публицистика

Мне приснился отец. Молодой, лет сорока. В сером пиджаке и в синих галифе, заправленных в хромовые сапоги. Подвижный и веселый, как будто только что вернулся с войны. Голубоватые глаза на чисто выбритом лице излучали свет и радость.

– Ты что, в самом деле мой отец? Ты же моложе меня лет на двадцать.

– Выходит, так...

– И ты на самом деле был военным корреспондентом?

– Да уж.

– Я ведь тоже пишу. Как тебе, читал?

– Пиши сынок, пиши. Хорошо пишешь. Легко читается.

– Так вот это откуда у меня! Значит, я в тебя пошел. Садись, пап, на мою кровать, я обниму тебя. И надо это дело как-то отметить! У меня коньячок есть... припасенный к Новому году.

Все значимые сны мне почему-то снились под утро. Проснулся и думаю, к чему бы это? Я ведь не написал про отца ни одного рассказа. Так, упоминал кое-где, и все. А мой отец достоин отдельной главы. А может, и книги.

Отец мой, Галинур Рахимович Рахимов, родился в 1901 году, в селе Ванш-Алпаутово Бураевского района в Башкирии. С моей мамой Хусной Валиевой они встретились в деревне Верхний Чат Янаульского района, куда они приехали погостить к своим родственникам.

– Да как его не полюбить, – говорила мама за рукоделием при свете керосиновой лампы. – Такой плясун был! В клубе как пойдет по кругу. Под ногами земли не чувствует. Летит прямо, так легко и весело. Еще как присвистнет, да вприсядку... все молодухи о нем только и говорили. И поговорить был горазд, острый на язык был, многим от него доставалось, особенно начальству и тем, кто неправильно жил.

Конечно, никаким корреспондентом он не был. А был потомственным плотником и столяром. И целыми днями пропадал в предбаннике, где что-нибудь мастерил. И учил меня, как работать топором и рубанком, и всегда приговаривал:

– Ну, примерно вот так. А если спросят, кто научил, скажи, мол, сам знаю.

Как-то после армии и я собирался улетать с Татышлинского аэродрома на кукурузнике в Уфу, устраиваться на работу.

– Рахимов Галинур – не твой ли отец? – спросил меня начальник аэродрома Хасанов, заглянув в мой новенький, ещё пахнущий типографской краской паспорт, выписывая мне билет.

– Да, – удивился я.

– Знаю, знаю. Веселый был старик. Он мне с бригадой из Кордон-Тибиля здание аэродрома за лето построил. А как работал топором – одно загляденье. Все шутил, если, мол, нас на самолете прокатаешь, то и баню поставим. Жив ли еще отец?

– Умер, лет десять уже...

– Хороший был мужик. Пусть земля ему будет пухом, а душа в раю.

Отец болел долго, с двухсторонней пневмонией. Все кашлял, но продолжал курить.

– Интересные люди доктора, – говорил он на завалинке, скручивая самокрутку с махоркой. – Ты, говорит, дед, когда будешь спускаться по лестнице больницы, спускайся, говорит, аккуратно, а то, говорит, легкие потеряешь, на одной ниточке висят. А курить, говорит, бро-

сайте. Поздно уже бросать. Раньше надо было. А ты, сынок, не кури никогда и в карты не играй. Не хочет, чтобы я у них умер. Ну и правильно. Помру дома. Дома веселее, – смеялся он.

Помню, как он меня от курения отучал. После окончания четвертого класса на летние каникулы я поехал погостить к старшей сестре. Она жила в райцентре. Там, познакомившись с местной ребятней, играли в футбол, лапту. А в свободное от физкультуры время собирали бычки и курили в кустах на берегу Бармышки.

И вот, накурившись до одури, я, пошатываясь, пришел домой. По каким-то делам приехал и отец.

– Здравствуй, сынок! – радостно встретил он меня у порога и, учуяв от меня запах табака, не очень весело добавил. – Такой большой вырос, что уже куришь?

– Да, – сказал я виновато.

– Ну что же, тогда давай покурим вдвоем, – сказал он, скрутив мне огромную самокрутку, а себе – как обычно.

Закурили. Сестра, проходя мимо нас, спросила: «Вы что, курите»?

– Да нет, уже бросаем, – хитро улыбался он.

Я гордо поглядывал на отца, думая, что он не стал меня ругать за это. А наоборот, предложил вместе покурить. После третьей же затяжки меня начало рвать. Да так полоскало, что я дал себе слово больше никогда не курить. И никогда не курил.

Отец любил меня больше, чем брата Кавия, который был старше меня на четыре года; то ли оттого, что был младше, то ли больше походил на него самого. И всегда, когда надо было куда-то ехать, брал с собой. И наслаждаясь ездой на тряской телеге в лес, за сеном или за дровами, я спрашивал, как он воевал.

– А вот воевать мне не пришлось, – говорил он, закуривая самокрутку, – когда пошел записываться добровольцем, меня списали из-за кривого указательного пальца правой руки. Мол, стрелять не смогу. Но все-таки направили меня на работу на Челябинский тракторный завод, где выпускали танки. Вот всю войну я воевал с упрямым Орликом, с которым подвозили запчасти из цеха в цех. Трудно было, холодно и голодно. Но справились, скрутили фашистам бошки. Плохое дело война. Пусть мир будет. И пусть вас никогда не застанет война. Хотя послужить родине придется. Пойдешь, сынок, в армию-то солдатом, когда вырастешь?

– Пойду, – говорил я, – а ружье дадут?

– Дадут, дадут! Какой солдат без ружья?

«Начало вторжения фашистов и их стремительное продвижение по нашей территории в 1941-ом заставили руководство страны провести срочную эвакуацию всех крупных предприятий вглубь СССР, в частности на Урал. В Челябинск из Ленинграда в кратчайшие сроки были переправлены основные производственные цеха и специалисты Кировского завода. Производство было развернуто на территории ЧТЗ. В дальнейшем к нему был присоединен Харьковский моторный завод и еще пять предприятий, эвакуированных с уже захваченных врагом территорий. С ходу, на морозе, среди сугробов люди разгружали оборудование, сразу же ставили станки на фундаменты и пускали в дело. Лишь потом вокруг оборудования возводили стены и сооружали кровлю. В максимально сжатые сроки были построены и запущены семнадцать новых цехов. В результате на месте бывшего Челябинского тракторного завода был создан самый крупный машиностроительный комбинат по производству военной техники и оружия под условным названием «Танкоград».

Производство танков было начато с одного-двух в сутки, но вскоре это число довели до двенадцати-пятнадцати. Все цехи работали по казарменному положению. В холодных помещениях люди трудились по шестнадцать-восемнадцать часов, систематически недоедая и недосыпая, с полной отдачей сил. Никто не покидал своих мест, пока не выполнял две-три нормы за смену. Поистине сутью и смыслом жизни коллектива, завода стали слова: «Все для фронта!»

Все для Победы!». Специалистам предприятия удалось поставить на поток сборку тяжелых танков ИС-1, ИС-2, ИС-3 и КВ. Челябинский Кировский завод медленно становился главным военным поставщиком страны, производя новейшие и лучшие образцы боевой техники, без которых противостоять такому хорошо подготовленному и оснащеному врагу как немецкая армия было бы просто невозможно. ИСы представляли собой все лучшее, что могло предложить отечественное тяжелое танкостроение. В них гармонично соединилась скорость, броня и вооружение. Легче тяжелых танков немцев, с более толстой броней и более мощной пушкой они не знали себе равных по маневренности. После того, как ИСы появились на полях сражений, командование Третьего рейха запретило своим танкистам связываться с ними в открытом бою. Помимо тяжелых танков завод выпускал знаменитые и широко используемые Т-34, а также СУ-152 (САУ). Всего за военное время Танкоградом были выпущено и отправлено на фронт восемнадцать тысяч самоходных артиллерийских установок и танков различных типов, восемнадцать миллионов заготовок для боеприпасов и сорок девять тысяч дизель-моторов для танков. Несмотря на напряженность обстановки плодотворно работали инженерные умы предприятия, которыми в течение войны было создано тринадцать новых типов САУ и танков, а также шесть типов дизель-моторов для этих боевых машин. За самоотверженный труд и выдающиеся достижения коллективу завода за весь военный период тридцать три раза присуждалось Красное Знамя Государственного Комитета Обороны, как победителю Всесоюзного соревнования. Два знамени даже были оставлены на предприятии на вечное хранение. 5 августа 1944-го года за заслуги в освоении и производстве новых видов техники и неоценимую помощь армии завод был награжден Орденом Красной Звезды и Орденом Ленина. Второй Орден Ленина Конструкторское бюро завода получило за достижения в разработке и производстве танковых дизелей 30 апреля 1945-го года»

И надо сказать по справедливости, война – это не только фронт, но еще и тыл, где люди на заводах, на пашне без сна, а иногда и без пищи, отдавая последний кусок хлеба, работали во имя победы над врагом – фашистской Германией. Я где-то в глубине души гордился тем, что мой отец тоже вложил свою лепту в уничтожение фашистов, чтобы потом мы долгое время жили без войн.

Отец болел долго. И умер как раз под Новый год. Я уже учился в пятом классе в соседней деревне и готовил костюм робота из картонной коробки и проводов. А вот участвовать в карнавале в костюме я уже не мог. Снял и отдал другу. Не мог я веселиться, когда отец лежал дома. И я не верил, что его нет. Думал, поболит и встанет, и опять мы поедем в лес за дровами. Я плакал, но слез не было. Волю слезам я дал после похорон. Один пошел в папину столярку, чтобы никто не видел. Взял рубанок и строгал до тех пор, пока толстый брус не превратился в стружку.

Каждый год по приезду в родные края обязательно бываю в родном поселке Кордон-Тибиль, в котором уже вместо домов односельчан давно растет посадка ели. Не стало работы – и разъехались люди кто куда, в поисках лучшей жизни, чтобы, временами возвращаясь, вспоминать о временах жизни прошедшей. Первым делом зайду на кладбище, где покоятся лучшие люди поселка и друзья отца. Посажу у могилы. Поправлю оградку, покосившиеся мраморные плитки, поставленные братом. И думаю о том, что человек жил не зря, если о нем еще помнят...

Бруски

Публицистика

Эту историю про бруски я много раз слушал в детстве от очевидцев и участников этого похода посреди войны, моих односельчан из Кордон-Тибильского лесоучастка. Собирая материал для своей книги, я наткнулся на вырезку из газеты «Советская Россия» от 8 мая 2008 года, присланную моей землячкой, дочерью фронтовика-орденоносца Закира Шакирова, Альфизой Саляевой, участницей афганских событий; заметка была написана жителем города Чернушка Пермского края Гафием Шаяхметовым. Публикацию разыскал в интернете. История нахлынула с новой силой, и я решил оставить рассказ без изменений – в память самого автора, участника этого похода, и моих земляков.

Поход посреди войны

1943 год, первая половина марта, в деревянном деревенском клубе тепло. Грязный деревянный пол тщательно подметен, целые скамейки поставлены в ряд, с неисправными ножками вдоль стены, в воздухе пахнет пылью, вернее запахом шелухи сырой картошки. На сцене длинный деревянный стол, застеленный красной скатертью, играет патефон. Патефон – это подарок Москвы, привезенный нашим делегатом с какого-то съезда Советов.

Никто не знает, по какому случаю крутят патефон, но на всех улицах деревни слышно: «Идите на собрание в клуб». Все-таки народ послушный, собрались быстро, можно начинать. Собрание открыла секретарь сельского Совета Ямига. Сразу без каких-либо церемоний было дано слово приезжему в форме военного.

Он снял свою шинель. Повесил на гвоздик, что забит в стене, тут мы увидели у него награды, никто не знает: ордена это или медали.

Он был очень стройный, женщины шушукались, что он красив, и все тут увидели, что у него нет левой руки. Он очень приятно поздоровался на татарском, но все знали, что он не татарин. Он начал свой разговор очень легко, спрашивал, как живет женищинам без мужчин. Через минуту он начал говорить, что ваши мужчины сражаются с фашистами смело и героически. Земли советские больше половины освобождены от фашистов. Особенно воинской доблестью отличаются Башкирская истребительная дивизия. Недавно сам Сталин наградил орденами Родины солдат и офицеров Башкирской истребительной.

«Конечно, фронту нужно помочь, без помощи с тыла армия не сможет победить врага». Тут тоже фронтовик с простреленной левой рукой почти криком спросил: «Что нужно? Говори прямо».

Тогда однорукий военный начал смело: «Вы все знаете, отсюда 7 или 8 км – Тибельский лесучасток, там много заготовлено брусков. Бруска – это заготовка для прикладов, автоматов и винтовок. Их нужно доставить на станцию Куеда. Это очень нужно для фронта, это будет неслыханная помощь вашим мужьям. Это простым языком описать невозможно, война скоро закончится и не где-нибудь на нашей советской земле, а закончится в самом Берлине. Откуда фашисты вышли, там и погибнут. Больше никогда не вернуться, просто не смогут поднять голову!»

Дальше однорукий офицер сказал: «Эти бруска, конечно, придется везти на маленьких санях, и кто сколько сможет, лишнего не брать, по дороге не бросать, как доставите в Куеду и сдадите бруска, за каждый брусок килограмм хлеба получите. Товарищи, это помощь фронту, днем дорога становится жидким месивом. На лошадях их не повезешь, лошадей-то нет, поэтому райком партии просил меня, чтобы я вам сообщил эту просьбу, и она (партия) на вас надеется».

Тут бойкая, острая на язык тетка Бадряшь выскочила и начала: «Ведь я всегда говорила, немцу не победить наших солдат! Я знала, что война скоро закончится». Она забыла название города, только что сказанного одноруким офицером, кто-то подсказал, что это столица немцев Берлин. Она не повторила название города, только сказала: «Да, да... конечно, там ведь не зря мой сын Муллаян воюет и вернется героем. Обязательно получит орден». (Тетка Бадряшь вскоре получила похоронку, что ее сын Муллаян погиб смертью храбрых, защищая Сталинград). Ее перебили, она: «Не перебивай меня, я еще хочу сказать, что завтра раньше всех, мои еще два сына пойдут за этими брусками». Собрание закончилось. Все встали, сели на эти же скамейки лицом к задней стенке клуба, где висело полотно – будет кино и бесплатно. Мало кто знал русский язык, но всем было понятно: фашисты издевались, а наши побеждали. Тема была жгучая. Так им и надо, немцам! Сволочам! Больше не полезут.

Ночью сильно морозило, мокрый мартовский снег застыл в лед. Далеко до рассвета, очень рано юноши, девочки, молодые женицины-солдатки собрались в конце деревни, подождав недолго, двинулись. Далеко до рассвета добрались до кордона, вчерашний однорукий военный был там, он говорил: «Лишних брусков не брать, каждый должен брать столько, сколько он сможет доставить на станцию; днем снег растает – будет тяжело, бросать их по дороге – дело негодное».

«Эти бруски, – сказал он, – дороже золота, золото – это желтый металл, просто алтын, а из алтына винтовку не сделаешь, немца не уничтожишь». Мы скоро загрузились, двинулись в путь. Бруски очень ровные, без сучков, длиной примерно в метр. Я взял этих брусков 4 штуки – подсчитал: у меня будет 4 кг хлеба, если один съем, то 3 кг привезу домой и накормлю своих домашних, и как мать обрадуется! Когда дошли до деревни Верхний Сикияз, стало светать, сколько километров до станции, я не знал, да это и неважно. Важно, довести бруски до места и получить хлеб.

Рассвело. Вот только тогда мы увидели: на незнакомой нам дороге движется сплошной людской поток. Мы упорно шагали к намеченной цели, снег таял, дорога стала невыносимо мягкой, полозя деревянных самодельных санок врезались в мокрый снег. Наши бруски с каждым шагом становились тяжелее. Людской поток, молча обливаясь потом, двигался вперед! Никто меня не обгонял, но впереди людской поток был настолько велик, что мне не описать увиденное. Это гигантский полоз на мартовском белом снегу движется как единый, что-то живое. Это было что-то страшное: нет ни начала, ни конца... Описанный мной случай был похож на «Железный поток» когда-то всеми любимого, а теперь забытого писателя-патриота Серафимовича. Мне кажется, люди, особенно взрослые, меньше всего думали об обещанном хлебе. В этом людском нечеловеческом потоке их в основном двигала самая главная причина – ПОМОЧЬ ФРОНТУ! Да ведь об этом просил райком партии.

Теперь расскажи нынешнему обывателю об этом – смех! Как это? В таком людском потоке да с таким грузом без малого 60 км за буханку хлеба? Помочь фронту? Да ведь и обратно 60 км. Хоть сам Господь Бог проси, все равно не пойдут. Вот нас догоняет однорукий военный, весь мокрый от пота, в армейских сапогах, почему-то довольно заметно хромает, неужели у него и нога раненая?

Если в начале пути на белом снегу видели картофельную кожуру, теперь нет-нет да видно брошенные бруски. Наш однорукий командир останавливался возле брошенного бруска, почему-то очень бережно брал его в руки, втыкал в талый снег торцом, молча, шагал дальше. Вот он останавливается возле женицины, которая не может идти дальше, что-то ей сказал, освободил ее санки от брусков, меня просил привязать бруски на удавку веревочками, которые отвязывал от санок по две штуки, бросал на шею с моей помощью, придерживая бруски целой рукой, и упорно шагал дальше.

Засветло мы все-таки дошли до станции. В Кюеде, недалеко от железнодорожного вокзала, на противоположной стороне, где тогда был дощатый склад, мы свой груз сдали. Нам дали три железки (бирка одна большая квадратная, две – треугольные). Нам сказали, где можно обменять эти железные бирки на хлеб, за одну маленькую железку дали тарелку капустного супа, вторая – каша (я не знаю, из какой крупы), за квадратную железку дали мне булку хлеба, вес которой я не знаю (тогда буханки были большие).

Тогда мне было 12 полных лет, после этого случая я прожил еще 65 лет, не встречал и не ел вкуснее того хлеба, что получил за бруски в Кюеде. Кончилась война, кто остался в живых, вернулись с фронта, в их числе наш отец. Я отслужил в армии. Конец 53-го года... Случай с брусками я рассказал отцу, он внимательно послушал меня, потом спросил: «Ты знаешь, кто был твой однорукий военный?» – «Не знаю, – сказал я, – русский, скорее всего, или удмурт. Неплохо говорил по-татарски, но он не татарин». Отец сказал коротко: «Он был коммунистом».

Фазылян Бадретдинов, житель Тибильского лесоучастка, учитель и директор школы, на мой вопрос по телефону: «Правда ли это?», сказал: «В те трудные времена в деревнях мужиков не осталось. И в Тибильский лесоучасток были присланы призывники „Трудового фронта“ (Трудармии) – они и заготавливали из комля берез кругляки длиной один метр, заготовки для прикладов автоматов, винтовок и ружей. Мы, дети, на санках вывозили эти пеньки из леса на дорогу. Начальником участка тогда был Гробов. Вот его два сына тоже были вместе с нами. Потом на лошадях заготовки везли на пилораму и распиливали на бруски. Сушили. Летом на машинах, а зимой на лошадях везли эти „ружболванки“ на станцию для отправки на завод. Весной, когда дороги раскисали, – женщины и дети на санках. Да, трудные были времена. Но все по мере сил помогали фронту, поэтому и победили фашистов!»

Мой дед – укротитель упырей

Моего дела Мухаматвалия уже ни кто не помнит. Когда писали книгу «Историю Башкирских Родов» и первый том «Татышлинского рая» местные краеведы и историки объявили, что такого человека, деда по маминой линии Мухаматвалия Габдулвахитова вообще не было. Как же так? Спросите вы. Человек жил в деревне Ялгыз-Нарат на рубеже XIX и XX веков возле моста на месте впадения речки Султыйка в Тибильку и вместе с супругой Гельминисой родили на свет 9 детей. Но выросли только 4 дочери: Минсафа, Шамсиниса, Жанатасма, и моя мама Хуснабза Мухаматвалиевна, родившаяся 4 октября 1907 года и умершая после продолжительной болезни 28 апреля 1989 на руках старшей сестры Сажиды в Татышлах.

Дед был двоюродным братом Васикову Мубараку, с отцом которого, Васиком, имели общего отца. Но должны были остаться какие-то записи в архивах – в «Ревизских сказках» или «Сельхоззаписях»?

По рассказам моей мамы и моих тётушек, их родители рано умерли (причина неизвестна), и младших сестёр Миннисафу и Хуснабзу забрали к себе жить старшие сестры, которые уже были замужем, в деревню Минлино, Бураевского района, и в деревню Верхний-Чат, Янаульского района.

По рассказам мамы и тётушек, дед мой Мухаматвали был легендарным укротителем оборотней «убыров» (обжор – упырей), которые лютовали в те далекие времена. Их видели жители деревень татарских, марийских, удмуртских и лесных башкир, компактно проживающих в этих местах на севере нынешней Башкирии. Это были непонятные существа, которые в виде огненного шара перекрывали дорогу путнику, обладали завидным аппетитом и были способны сожрать коня вместе с ездоком. И сколько бы они ни ели, не могли насытиться, потому что у них под мышками была огромная дыра, через которую пища улетала в параллельный мир, в другое измерение. Но для того чтобы убить такого, надо было разломать перед ним какой-нибудь железный предмет. И только тогда, когда он превращался в человека, можно было его убить.

Зимой мой дед Мухаматвали еще затемно выехал на санях на «Сайтаковский базар», чтобы что-нибудь прикупить. Отъехав километров пять, от деревни Ялгызнарат, он увидел, что перед конем закрутился огненный шар. Конь встал как вкопанный и отказывался продолжать путь даже под ударами кнута. Дед вскочил с саней, с вилами наперевес встал между конём и «Убыром» и разломал вилы надвое. «Убыр» превратился в человека. И только дед хотел заколоть его вилами, как тот взмолился пред ним, упав на колени:

– Мухаматвали, дорогой, не убивай меня, я же твой марийский друг Янсыбай из Башки-баша. Я больше никому не причиню зла и других уведу из этих мест.

Отпустил дед с миром этого упыря. И стало тихо с тех пор. Конечно, иногда очевидцы видели их огненную пляску в лесах, но зла те не причиняли...

Недавно двоюродная тетя Ансима Султанова из деревни Минлино Бураевского района, пересказывая эту легенду нашего деда Мухаматвалия, которую я слушал сотни раз в детстве, удивлялась, почему я недоверчиво улыбаюсь.

– Что, не веришь, да? Грамотный стал, да? Мы-то верили. И мамы наши верили ему. Каждый раз перед сном, когда урчали животы от голодухи в те голодные времена, просили нашего деда рассказать эту легенду. И потом тихонько спрашивали друг у дружки, нет ли у них отверстия под мышками, не превращаются ли они в Убыра, потому что очень хотели есть, а есть, видимо, было нечего...

Конечно, можно и не верить в эту легенду. Но я верю в то, что дед мой Мухаматвали был хорошим сочинителем и замечательным рассказчиком, если ему верили. Может, я в него пошел?

Осторожно, либералы!

Публицистика

Часть первая

«Кто сказал, что не системная оппозиция – предатели? Это просто мелкие пакостники, льющие воду на мельницу врага. Но с таким усердием, что жернова снова могут закрутиться, и намолотить муки. Из которой выпекут «булочки» и будут раздавать на «Московском МАЙДАНЕ».

Удивляться нечего. Когда некоторая часть россиян, задалась целью, во что бы то ни стало слиться с западным миром, начали принимать «ихние» стандарты как эталон. Эталон торговли, культуры и взаимоотношений. Но поняв пагубность геевропейских условия, задумались, а нужно ли нам все это? Стоит ли разрушать устоявшиеся традиции семейных отношений, образования и веры? А нужна ли нам «галочное» (ЕГЭ) образование, «заднеприводные» отношения и сектантская вера? Любой скажет, нет! Конечно кроме тех, которые хотят любой ценой разрушить российскую государственность, сперва разрушив семейные устои, веру и образование, забив клин межнациональной вражды. Они называют себя либералами.

Избравшие лёгкий путь, в политику критикуя власть и президента, огульно охаивая. Что бы их заметили. И их заметили. Они как на работу ходят в американское посольство за зарплатой и инструкциями. Это те, которые совсем недавно под руководством американских и европейских советников пытались «поруководить» страной, пока совсем не развалили её, разрушив все, что можно было разрушить и распродать. Это те, которые по сей день твердят о не легитимности воссоединения Крыма с Россией и присутствия регулярных российских войск в «Малороссии». Они не понимают, или не хотят понимать в угоду своим западным работодателям, что народ полуострова так решил на референдуме. Объявив референдум о независимости после того когда власть в Украине пришедшая путем переворота и объявила об упразднении русского языка, по сути коренного языка жителей Крыма,

народ захотел не только независимости от «Укров», а воссоединения с Россией.

Так что, получается, что Крым присоединил Россию к себе, а не наоборот. Либералы хотели окончательного распада, но Россия под руководством Владимира Путина быстро поднялась на ноги и расправила плечи. И он заслуживает глубочайшего уважения как президент и как патриот своей страны. Борис Ельцин хоть и развалил страну в пьяном угаре, по сути, подарив Крым Украине, но оставил после себя нормального президента. И на том спасибо.

Теперь другой заказ из-за океана, добить то, что осталось, рассорив Россию с Европой, потренировавшись на Украине, вполне пригодной для полигона, с её олигархическо-националистической, а по сути, фашистской властью. Сценарий один – разделяй и властвуй. Которая была обкатана в Югославии, Ливии, Египте и на ближнем востоке. Россию с её ядерным оружием и окрепшей армией запугать невозможно. Остается одно, развалить изнутри с помощью надуманных санкции, вызвать недовольство граждан. Вывести на улицы либералов и устроить Майдан. Пристрелить на людном месте возле Кремля пару либералов для разжигания страстей и объявив виновником самого президента. На провокации они мастера: расстрел демонстрантов на Киевском майдане, малоазийский «Боинг», подорвавшиеся на mine автобус, Краматорск, аэропорт, (сколько еще будет провокации, пока их не остановят).

Кстати остановит всю эту вакханалию в зародыше, могли два человека, Янукович который струсил и отменил указ о разгоне «майданутых», и Путин который из-за вежливости и чтобы не лишится звания «чемпиона мира по невмешательству», не ввел миротворческие

силы, когда у него была возможность и правомочия, данные Советом федерации по просьбе еще легитимного президента Украины Януковича. Можно было объявить без полетную зону, с помощью десанта занять города и аэропорты, выслать пару ракетносцев к берегам США просто для острастки. Пока они не получают по своим белоснежным керамическим зубам, они не поймут. Так и будут мнить себя исключительными «миротворцами» в желании подмять под себя все страны. И скажите спасибо, что не я президент. Я бы так и сделал. Но у нашего президента оказалась выдержка, не ввел войска на Украину и тем самым не пошел на конфронтацию с дружественным нам славянским народом. Не стал жертвой американского капкана расставленного вокруг российского государства в самых узких местах возможной межнациональной и религиозной вражды Кавказа, Средней Азии и Закарпатья.

А кто они сами американцы, объединенные в Штаты? Это отпрыски тех отщепенцев, которые рванули на дикий запад во времена золотой лихорадки, разного рода проходимцы и женщины легкого поведения которые хотели быстро разбогатеть. Отпрыски тех, выживших кто быстрее доставал из кобуры «Кольт» и хорошо стрелял. Объединившееся в преступные сообщества, почти уничтожившие коренное население Индейцев, загоняя их резервации и отбирая лучшие земли. Можно ли от отпрысков таких людей ожидать, что-нибудь доброе и созидательное? Не дождетесь! Там власть денег, требующая обогащения любой ценой, война это самый быстрый способ. Для них война – это самый ходовой товар. Правда они воюют не на своей территории и не своими руками, но гребут доллары, лопатой продавая оружие воюющим странам.

Конечно, не все американцы такие «ястребы», там есть и нормальные люди, желающие мирно сосуществовать без войн наравне со всеми.

А Европа пошла дальше, всю жизнь в походах, начиная «крестовым». А что касается нас россиян, мы не на кого не нападали, ну разве что выходили на околицу с оглоблей, разгоняли печенегов и снова пахать. Не когда было дурью маяться. Но Запад не унимается. Не зря же НАТО, после распада Варшавского договора, приближает свои силы к самой границе России. Значит, они еще одержимы идеей пресловутого «ЗОЛОТОГО МИЛЛИАРДА», сокращения земель до миллиарда. И по сему, страны Европейского Союза, подпевающие заокеанским «покровителям», в скором будущем сами могут стать расходным материалом в осуществлении этой бредовой идеи.

Украина только начало. И МИР на Украине им не нужен, чем дольше будет тлеть фитиль, подожженный на Донбассе, тем лучше для запада. Заточенный, американскими кукловодами, украинское правительство будет отрабатывать полученные дивиденды до последнего цента. По словам самих же американцев на смену власти на Украине, а значит и на дестабилизацию в центре Европы, было вложено больше пяти миллиардов долларов.

А сколько вложено для того чтобы взорвать Россию изнутри, я думаю в несколько раз больше. И для этого готовится целая рать оппозиционеров, когда-то может быть обиженных властью или не успевшие, самореализоваться как личности, людей.

И так на стене висит «ружьё» под названием «либералы», заряженное американским посольством. И по закону жанра когда-нибудь должен выстрелить. Наша задача, если не снять ружьё, то хотя бы вынуть патроны.

Не зря же прилетели Олланд и Меркель к Путину с «мирной» инициативой, когда Обама объявил о возможном снабжении Украины летальным оружием, почувствовав запах пороха над Европой. Сработала историческая память, они еще помнят, чем обернулся поход на восток в недавнем прошлом, Наполеона и Гитлера. Значит не все потеряно.

Ну, а если не поняли урока, то им объяснят восставшие против фашизма жители «Новороссии», если снова полезут на Донбасс, нарушив Минские договоренности от 12 февраля, по сути вымученные 17 часовыми переговорами. Их уже нельзя будет остановить границами

Донецкой и Луганских республик, они дойдут до Парижа. Так что, господа, готовьтесь к новому Нюрнбергскому процессу, но только в Славянске или в Дебальцево.

Часть вторая

Окончание первой части: «И так что на стене висит чеховское ружьё под названием „либералы“ проплаченное и заряженное американским посольством в Москве. И вопрос – когда прогремит выстрел?»

Выстрел прогремел. Прогремел не так, как ожидали заокеанские заряжающие. Но довольно громко, что раскаты были слышны по всему миру. Убит яркий оппозиционер и один из лидеров либерального толка Борис Немцов. Убит подло, в спину, на мосту недалеко от Кремля на прогулке по мосту с Украинской красавицей Дурицкой накануне митинга либералов, которые очень просились провести митинг на площади Революции и по украинскому сценарию устроить МАЙДАН. Кстати Дурицкая почему-то уцелела после семи выстрелов из пистолета Макарова, хотя они шли рядом.

Уже через несколько минут после выстрела, подняли вой западные СМИ. Кстати искренне жаль Бориса Немцова, если даже он лил воду на чужую мельницу. Он был наш человек, человек российский. Но не нашедший себя во благо Родины.

Пока замысел наших «партнеров» не удался. И они любой ценой, будут ворошить палкой Медвежью берлогу в надежде, что он вылезет и попадет в капкан, расставленный заокеанскими охотниками. Их задача МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО, и они не успокоятся, пока не посадят медведя на цепь. Медведя, который имеет свое мнение, отличный от американских, и способный противостоять далеко идущим замыслам, любой ценой сократить население земли до миллиарда с помощью воин рассорив одни народы против других: россиян с украинцами, а потом с европейцами, японцев с китайцами, балканцев против балканцев, африканцев между собой – по принципу, разделяй и властвуй. В ход идет все: эпидемии болезней, ГМО продукты и гомосексуализм. Все то, что может сократить население земли. А Россия стоит на их пути, поперек дороги осуществления их замыслов и поэтому стоит первая на уничтожение любой ценой. Не зря же существует доктрина Далласа.

План Даллеса (Доктрина Даллеса) – согласно популярной в России в 1990-х – начале 2000-х годов теории заговора план действий США против СССР, составленный в эпоху холодной войны и заключающийся в скрытом моральном разложении населения СССР. Авторство плана приписывается главе ЦРУ (1953—1961) Аллену Даллесу. Целью данного плана якобы являлось уничтожение СССР методами пропаганды, нацеленной на разобщение национальностей и социальных групп, потерю традиций, нравственных ценностей, моральное разложение населения страны. В виде, цитируемом сторонниками его подлинности, «План Даллеса» нигде не был опубликован, а английский оригинал этого текста никогда не был представлен. Соответствующий текст, приписываемый Даллесу, впервые появился в российской печати в начале 1990-х годов и представляет собой подборку фрагментов романа А. С. Иванова «Вечный зов» в редакции 1981 года.

«Натолкните их на мысль, что они должны уповать на Бога, завлеките их в секту, а если таковой не имеется, организуйте сами!.. Славяне любят попеть за рюмкой водки. Напомните им, как отлично они варили самогон во время гражданской войны. Вооружим любителей острого слова анекдотами, высмеивающими их настоящее и будущее. Отравляйте душу молодёжи неверием в смысл жизни, пробуждайте интерес к сексуальным проблемам, заманивайте такими приманками свободного мира, как модные танцы, красивые тряпки, специального характера пластинки, стихи, песни. Поссорьте молодых со старшим поколением».

Текст «Плана» почти дословно совпадает с высказываниями одного из отрицательных героев – бывшего русского жандармского офицера, а на

момент высказывания штандартенфюрера СС – произнесёнными им во второй части романа «Вечный зов» Анатолия Иванова (начиная с редакции 1981 г.):

– Как сказать, как сказать... – покачал головой Лахновский, – Потому что голова у тебя не тем заполнена, чем, скажем, у меня. О будущем ты не задумывался. Окончится война – всё как-то утрясётся, устроится. И мы бросим всё, что имеем, чем располагаем: всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей! Человеческий мозг, сознание людей способно к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить! Как, спрашиваешь? Как?!

Лахновский по мере того, как говорил, начал опять, в который уж раз, возбуждаться, бегать по комнате.

– Мы найдём своих единомышленников: своих союзников и помощников в самой России! – срываясь, выкрикнул Лахновский.

В 1946 году СМИ Великобритании опубликовали документ под названием «Коммунистические правила революции», якобы обнаруженные в Германии союзными войсками. Их основные положения:

1. Развернуть молодежь; отвести её от религии. Внушить ей интерес к сексу.
2. Ложной аргументацией разрушить старые моральные ценности.
3. Отвлечь умы от политики, переключив всё внимание на спорт, книги о сексе, игры и прочие маловажные занятия.
4. Поставить под свой контроль все средства массовой информации. 5. Разрушить веру людей в их естественных лидеров, изображая их в постыдном, смешном и оскорбительном виде»

24 августа 1960 г. «Лос-Анджелес гералд» опубликовала выдержки из брошюры «Промывание мозгов. Изложение русского руководства по психополитике». Сама брошюра «Brain-Washing» была издана в Нью-Йорке в 1955 г. фондом Рона Хаббарда – фантаста и основателя «сайентологической церкви». В «русском руководстве по психополитике» указывалось:

«Сделав доступными всевозможные наркотики, давая подростку спиртное, восхваляя его необузданность, пичкая его секс-литературой, психополитик может воспитать в нём необходимую нам склонность к беспорядку, безделью и бесполезному времяпрепровождению и побудить его выбрать решение, которое даст ему полную свободу во всём – то есть Коммунизм. Если вы сможете убить национальную гордость и патриотизм в подрастающем поколении, вы завоюете эту страну».

«Литература, театры, кино – все будет изображать, и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать, и прославлять так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, – словом всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности.

Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство. Национализм и вражда народов, прежде всего вражда и ненависть к русскому народу – все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их обогатить и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности.

Мы будем братья за людей с детских, с юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь. Станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов.

Аллен Даллес, 1945 г».

Можно и не верить всему, что написано выше, сославшись на происки спецслужб с одной и другой стороны. На сегодняшний день все делается как по написанному. Каждый пункт выше сказанного это инструкция к действию в создании хаоса по всему миру. И это, к сожалению уже так!

Им удалось за какие-то 20 лет в соседней стране Украине посеять хаос. Из цветущей молодежи Украины воспитали детей к ненависти к своим корням и всему русскоязычному миру: «Москаляку на гиляку», «Кто не скачет тот Москаль»!

С такой же целью, финансируются (подпольно и напрямую) молодежные организации, через так называемые НКО. Телевидение и радио с утра до ночи растлевают молодежь с такими передачами как «ДОМ 2» и «КАМЕДИ КЛАБ» при помощи их «резидентов», (кстати, так они и называют себя), скабрзного юмора и высмеивания традиционных устоев. И кто они такие резиденты? Резиденты кого, а не засланные ли они «казачки»? А радио «Эхо Москвы», телеканалы «Дождь» и «РБК» где круглые сутки профессионально льют грязь, капают на мозги россиян разными измышлениями даже похожее на правду, но со своим подтекстом, где под сомнение ставится все, абсолютно все, и уже начинаешь сомневаться, где правда и где ложь. Все это конечно напоминает одного героя и басни Крылова «Слон и Моська». Они либералы все еще продолжают лаять, хотя Слон уже давно прошел мимо без всякого внимания на лай. Прошли также все домашние животные от коровы и овец. Но им по инерции все равно надо кого-нибудь обляять даже пролетевшую бабочку. Кто-то скажет: «А не хай брешут»! Но это четко направленная пропаганда, направленная на смену нынешней не угодной для всего «запада» власти.

Важно чтобы «Слон», почуявший на высоких рейтингах и слегка опьяненный присоединением небольшой «саванны», однажды проснувшись, не ощутил себя снова в других «джунглях», как это было уже не раз, где будут верховодить шакалы и гиены.

О действенности этой пропаганды можно удостовериться, надев наушники на ночь, включив радио «Камеди Клаб». Уверяю вас, кошмары вам будут обеспечены. Наслушавшись сплошного мата в эфире и нижепоясного юмора, проснувшись, вы будете чувствовать себя оплеванным и униженным, по уши в говне. Да, да именно это слово повторяется в каждой шутке. Сразу же захочется принять душ, а потом застрелится. В этом сила пропаганды. Помню в армии мы иногда, когда это удавалось, слушали радио «Свобода» или «Голос Америки». В основном нам нравились музыка и песни.

Но они, на ряду, с музыкой как бы, между прочим, давали и разного рода информацию. Иногда противоречащую самим себе. А иногда раз разом говорили, что в этом году не уродилась картошка в России. По сути это второй хлеб для жителей. Не поверите после демобилизации, как только я снял дома шинель, сразу заглянул в подвал. Картошки было полно. Дело совсем не в том, что не поверил, а в том, что полез.

И в этом деле они уже поднаторели. Теперь все хотят перевернуть с ног на голову. Ставят под сомнение Победу в Великой Отечественной Войне, СССР как страну победительницу. То и дело из уст либералов изрыгается об ошибочности сопротивления Советского союза фашизму. Дескать, европейцы сдались на второй же день, и живут припевающий. А россияне, должны плестись на хвосте цивилизации, из-за своей строптивости. Если бы россияне, положив на алтарь победы миллионы жизней, не освободили бы мир от фашизма, то еще 70 лет назад многие народы были бы уничтожены и стерты из памяти вообще.

Многие обвиняют президента Владимира Путина, что он в своих обращениях к своему народу не говорит, что мы строим, куда идем, какие цели и задачи, в чем миссия!?

Если миссия Соединенных штатов – мировое господство и исключительность в разжигании войн по всему миру путем насаждения «демократии». То наша цель должна быть другой:

1. Построение цивилизованного, социально-справедливого, процветающего общества, где главным является: многонациональный, многоконфессиональный народ, и каждый человек в отдельности, защищенный государством от всех бед и невзгод, (кстати, это необходимо записать в конституции, народ понятие расплывчатое нужна конкретика, не так ли?).

2. С политикой не нападения на другие государства и отстаивающий свои территориальные права, с правом защиты своих интересов и интересов дружественных стран. Мирного сосуществования без войн и конфликтов.

3. Патриотический воспитанный народ на подвигах Великих побед и свершении.

4... Дальше можно добавить предложение немецкого журналиста на одном из встреч президента.

Часть третья

Пора вещи называть своими именами. Конечно, много хорошего было сказано президентом Владимиром Путиным с трибуны Генассамблеи ООН, но очень дипломатично. Он все еще называет откровенных врагов «партнерами», которые спят и видят Россию разрушенной до основания и уже построенный на руинах по своему англо-саксонскому плану. Приветствую и его решение – наконец помощь Сирии в уничтожении радикального ислама, запрещенные в России «Даиш» или ИГИЛ¹ американского проекта дестабилизации миропорядка. И пора уже называть вещи своими именами, откуда растут ноги «управляемого хаоса». Если скажем США, то либералы, кочующие из канала в канал телепередач, тут же завопят, что не там «Империя зла»!

Правильно, они хорошие... и они не виноваты. Стране-то всего лишь 200 лет. Страна ровесник нашему «Большому театру». Это дети тех, которые рванули на запад во времена золотой лихорадки. А «рванули» туда все кому не лень. Разные проходимцы, и женщины лёгкого поведения, желающие быстро разбогатеть. Конечно, были и нормальные люди, но они быстро растворились в общей массе. Это отпрыски выживших, кто быстрее доставал Кольт и метко стрелял! Это они по-доброму уничтожили половину коренного населения индейцев, отравляя и заражая разными болезнями и загоняя в резервации. Это они по-доброму перебили «Южан» пожелавшие отделиться от них. И так же по-доброму пристрелили своего президента Кеннеди, осмелившегося прижать толстосумов и пойти на сближение с Россией. Так можно ли ожидать от них чего-то доброго и созидательного!? Отвечаю, НЕТ! После этого они никогда не воевали на своей территории. А чужими руками организовывали войны, стравливая страны между собой. Зарабатывая на войне баснословные деньги, поставляя оружие воюющим странам и выделяя деньги под проценты.

Так же по доброте своей душевной, сбросили атомную бомбу на Хиросиму и Нагасаки, хотя особой необходимости в этом не было. Разбомбили, по-доброму: Вьетнам, Корею, Афганистан, Ирак, Югославию, Ливию и Сирию. Прошлись по бывшим республикам СССР «цветными революциями», создав хаос и разруху. Растормошили осиное гнездо радикального ислама в Африке и странах ближнего Востока. В надежде стравить всех и вся в смертоубийственной войне. В надежде половить рыбку в мутной воде, преследуя две цели; первое, убрать с дороги Россию и Китай, как возможных конкурентов и противников в достижении своей цели —гигимонизма, и второе – сократить население планеты до пресловутого миллиарда, необходимого количества людей, для обслуживания комфортной, как им кажется, жизни на планете.

На сегодняшний день не зависит, кого выберут президентом США. Ни чего не зависит от кандидатов и выборщиков, за кого не голосуй все равно получишь того кто будет поддерживать политику своих спонсоров – «толстосумов» членов Бильдербергского клуба – <http://kudavlozيتدengi.adne....> Там правит мировое тайное правительство мультимиллионеров, который, и назначает, кому быть президентом и какую гнуть линию, естественно выгодную им в приумножении богатства и дальнейшей комфортной жизни, к сожалению, без тех шести миллиардов населения земного шара просящих еду и крышу на головой.

И это не какие-нибудь марсиане, а свои доморожденные толстосумы, набившие свою мощну на войне и крови своих же соплеменников – их фамилии известны начиная Ротшильдами и кончая Соросами. Половина всех доходов в мире сконцентрированы в руках 62 богачей, половина которых живут в США, а другая половина в Европе Азии и Японии. И в дальнейшем они только будут богатеть, а бедные всё беднее и беднее. И если мы хотим сохранить мир

¹ Здесь и далее – организация, запрещенная в РФ.

на планете надо разговаривать не «шестерками» – Президентями США, а с их «Паханами» – миллиардерами, доказывая, что их миллиарды там, куда они попадут после ядерной войны, не понадобятся!?

Управляемый, а теперь уже неуправляемый хаос, вокруг великих держав как Россия и Китай – это звенья одной цепи – не дать этим странам спокойно жить. С помощью всевозможных санкций вызвать недовольство среди населения и расшатать устои изнутри. Если на развал Украины было вложено пять миллиардов, то на «демократизацию» России больше пятидесяти миллиардов на всевозможные НКО и либералам, которые полны решимости встать у штурвала такой богатой ресурсами страны как Россия. Взять реванш за девяностые годы, не успев до конца развалить и отдать страну под внешнее, англо-саксонское управление.

Российские либералы, на сегодняшний день надежда и опора, главного штаба – американского посольства в Москве, вдохновителя и финансиста цветных революций, куда либералы ходят за зарплатой и инструкциями как лучше развалить страну. Многие не системную оппозицию называют предателями. Это не предатели, а просто обозленные отщепенцы льющие воду на мельницу врага.

И эти отщепенцы готовы носом рыть ту самую яму, кочуя из канала в канал «Ток-шоу» и телепередач, продвигая и рекламируя «западные ценности» в умы российских граждан. И их, либералов можно понять. Они после того как не получилось до конца развалить и распродать страну в «девяностые» полны решимости взять реванш. Они когда-то один раз уже сказали «А» с мыслью стать популярным крикнув «Долой Путина»! Огульно охаявая президента и правительство.

У меня тоже много вопросов к президенту как гаранту Конституции: по сохранению Байкала, о пожарах в лесах, о раздельном мусоре, о пенсии пенсионеров, когда губернаторы пишат золотыми ручками за несколько

миллионов и олигархи жируют на «прихватизированные» народные богатства, о социальном жилье очередников, о насаждений «егешного» образования, о зарплатах депутатов Государственной Думы – почему «слуги» народа получают во много раз больше своих «господ», при полупустом зале заседания, и не нерешённости животрепещущих проблем?

Но почему же сразу – «Долой»? Когда можно сообща решить все вопросы внутренней политики, как и внешнею с этим президентом. Как известно – коней на переправе не меняют!

Сказав «А», надо сказать и «Б». Но если скажешь «Б», то ты уже Борис Борисович Надеждин, который выступая по всем каналам телевидения, явно метит в лидеры либерального движения после Немцова. А сказал «Г» – то сразу – Гозман! А, «Д» – далее по списку все те, которые кричат на каждом углу: «Долой Путина»! и примкнувший к ним певец Макаревич, который когда-то пел: что, «Не надо прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше мир прогнется под нас»! Как же быстро он прогнулся и стал под знамена либералов по другую сторону баррикад, где говорят против воссоединения Крыма и восстания «Малороссов» против киевской, бандеро-фашистской власти, пришедшие с помощью военного переворота и тут же первым указом лишившего их русского языка.

Можно представить такую картину, либералы во главе с возможным предводителем Надеждиным Б.Б с завязанными глазами и одурманенные обещаниями вашингтонского госдепа, встали на краю огромной пропасти, которую сами же вырыли для русского медведя, огороженный хлипким забором, и усердно расшатывают, пытаясь прорваться. А за Надеждиным вся «либеральная рать» – надежда и опора заокеанских кукловодов и западных лидеров, идеи продвижения демократии по-американски по всему миру, привязанные к нему теми же обещаниями сладкой жизни без Путина. Кстати, с приближением парламентских и президентских выборов либералы с особым рвением, меняя «личину» – названия своих партий, тактику борьбы, вектор выступления и риторику, будут заискивать перед населением, и рваться во властные структуры.

И кто же такие либералы. Если заглянуть в Энциклопедический словарь то, как бы все правильно:

«Либерализм стремится предоставить человеческому уму полную свободу, требуя в связи с этим свободы совести и свободы слова; в области государственного устройства Л. отстаивает конституционные порядки против абсолютизма, местное самоуправление против централизации, свободу личности против полицейской опеки, равноправность женщины, отмену сословных привилегий, участие народного элемента в отправлении правосудия, равномерное распределение податного бремени (одно из обычных требований Л. – прямой подоходный налог). В области экономической Л. в его чистом виде является противником стеснений свободы торговли (следовательно, фритредерским) и свободы труда (следовательно, противником фабричного законодательства)».

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон 1890—1907.

А на деле, без всякой программы и альтернативных предложений – «Долой Путина!» Мешающего либералам прийти к власти и всё поделить, как требуют от них их западные покровители.

Наша задача пока не поздно повернуть эту «либеральную армию» от края пропасти, куда они тянут своих последователей и всю земную цивилизацию, раскрыть им глаза. А если не удастся, то турецкий нож всаженный в спину под сирийским небом, может оказаться лишь перочинным ножиком против того тесака который точат Соединенные штаты и англосаксы об европейский оселок против России.

Третья Мировая война уже тлеет по всему миру как торфяник, все ближе и ближе подступая к нашему дому, то и дело, вырываясь наружу. Заставляя бежать людей с насиженных мест. И эти люди уже знают, откуда идет зло. Хотя США и пытались перевести стрелки, на Россию поставив наряду с такими угрозами человечества как запрещенный в России «ИГИЛ» и «ЭБОЛА», не получилось. И это зло «Воняет серой» – как говорил Уго Чавис с трибуны ООН, после выступления американского президента. И миллионы обездоленных людей уже зная об этом, проклинаят их на всех языках мира, засыпая вне своих разрушенных войной, домов. Надеясь на Всевышнего и Йеллоустонский вулкан, что он наконец-то накажет этих обезумевших деятелей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.